

Виктор Емский

РЕБРО МЕДАЛИ

Роман

18+

Виктор Емский

Ребро медали

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Емский В.

Ребро медали / В. Емский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга о коррупции, национальном вопросе и легкой степени алкоголизма. Окунувшись в мир коррупционеров, вымогателей и алкоголиков, читатель увидит изнутри структуру чиновничьей России нашего времени. А еще умный читатель сможет от души посмеяться над ней. И задуматься.

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Предупреждение

Внимание! Роман написан в фантастическом жанре. Все герои придуманы автором, а события никогда не происходили в действительности. Сходство персонажей с реальными людьми является совпадением, и книжное время течет в параллельной вселенной.

Часть первая

Назвался груздем – полезай в кузов.

Русская народная пословица.

Время отсутствия мобильных телефонов

0

Когда Каин, взяв в руки крепкую дубину, шел убивать Авеля, он даже не мог предположить, что станет героем коррупционного скандала! Причем во веки веков. Этот самый Каин стукнул Авеля по темечку, отправив своего брата туда, где его поджидал Господь, послуживший главной причиной этой баталии.

Так кто же виноват? Ответ прост – никто.

Господь, сотворивший нас по своему образу и подобию, вложил в плоды трудов собственные достоинства, одним из которых является склонность к коррупции. Ну, а поскольку Творец безгрешен – коррупция совсем не позорна.

Итак, оба брата принесли жертву Господу. Зачем? Чтобы влезть под «крышу». Им хотелось получить защиту. У Авеля Бог принял жертву, а у Каина – нет. Каин, обидевшись, убил брата Авеля. И что из этого выходит? Не поделили «авторитета».

Господь, забрав принятую жертву, подписался охранять Авеля, но не выполнил свои обязательства, поскольку последний был убит конкурентом. Получается мошенническая схема. Взял – но не сделал. Сплошная коррупция! Или «кидалово», как сейчас говорят...

Но это библейский взгляд на вещи. А есть еще научный. Предположим, что вселенную создал не Бог, а Большой Взрыв. Получается тот же результат. Все, произведенное силами природы, естественно. Следовательно – коррупция рядовое явление, появившееся в результате Большого Взрыва.

А бывали времена, когда ее не было? Ответ напрашивается сам – нет!

Кстати, неплохо было бы спросить об этом динозавров, но они вымерли. Видимо, кто-то или что-то не выполнило своих обязательств перед ними. Или просто «кинуло». Интересно, чем они расплачивались за «крышу»?

А как же люди? Неужели коррупционерами не рождаются, а становятся? Ничего подобного! В душе каждого новорожденного существа во вселенной тлеет искорка коррупции, которая раздувается в пламя при возникновении определенных условий. Как и многие другие инстинкты, таланты и качества.

0.5

Если посмотреть на лицевую сторону медали, можно увидеть торжественный отгиск героизма, стойкость и преданность делу, за которое награда была вручена. При взгляде на

обратную сторону видна будет обыденность, деловая скука, а может даже и следы окисления металла. Но есть еще и третья сторона. Она называется ребром.

При взгляде на нее ничего интересного не видно, как и при взгляде на гурт монеты. Но если совсем немного изменить угол обзора, медаль заиграет в неожиданном свете. А если менять углы чаще, награда превратится в золотистую извилистую дорожку, ведущую неизвестно куда.

Так и на любое социальное явление можно смотреть с разных углов, открывая в нем новые и новые свойства. А что такое коррупция? Неистребимое явление, существующее с момента возникновения вселенной.

Но если человечеству нельзя победить коррупцию, ибо не оно ее придумало, может быть, стоит научиться регулировать, не позволяя ей разрастаться до чудовищных размеров?

Вот как раз об этом и пойдет речь в романе. Но прежде чем читатель захочет строжайшим образом судить автора и придуманных им персонажей, пусть взглянет на повествование с разных углов и вспомнит одну из библейских мудростей, которая звучит так: «Не суди – и не судим будешь». А если читатель склонен к атеизму – прежде чем взять в руки топор возмездия, пускай ради объективности встанет на место любого из героев романа, и уж только после этого решает, стоит ли рубить голову самому себе.

Кстати, возможно, кто-либо из сотрудников правоохранительных органов в одном из героев книги узнает себя (с чем его и поздравляю). Не забивайте голову дурными мыслями! Если такое случится, пора этому сотруднику обратиться к врачам. Может быть, доктора еще успеют спасти его расшатанную психику!

Роман разделен на три части. Действие первой происходит в середине девяностых годов двадцатого века. Вторая часть описывает середину первого десятилетия двухтысячных годов, а третья – наши дни. События происходят в одном из крупных южных городов и касаются всех граждан России, поскольку каждый из нас, наверное, не раз бывал свидетелем, а то и участником происшествий, подобных тем, о которых рассказывает эта книга.

Прошу извинить меня за разговорный язык, которым переполнен текст романа, но иначе поступить было нельзя, поскольку литературный язык не передаст в полной мере всего колорита речи героев повествования. Приношу также извинение за обилие черного юмора и некоторое количество цинизма. Последние элементы смысловой структуры книги не связаны с желанием автора каким-либо образом унижить или оскорбить читателей. Черный юмор и цинизм проявляются в речи и действиях героев романа как следствие профессиональной деформации их психики.

Читателю, который что-либо не поймет, предлагается заглянуть в конец книги. Там имеется небольшой «Словарь южно-российского гаишного жаргона». Пособие это ответит на все вопросы и развеет любые сомнения читателя. Приятного чтения.

1

В один из жарких дней лета одна тысяча девятьсот восемьдесят девятого года Серега Яреев пришел из армии. Дело происходило в достаточно крупном южном городе, располагав-

шемся совсем недалеко от побережья теплого моря, над которым летали жирные белые чайки, нагло выхватывавшие из рук отдохавших на пляжах людей куски хлеба и колбасы.

Через несколько дней после прибытия Яреев явился в районный военкомат, поскольку требовалось встать на учет.

Он сидел в одном из кабинетов серого казенного здания и мечтательно поглядывал в окно, за которым от ветра шевелились ветви тополя.

Офицер, изучив военный билет демобилизованного солдата, спросил:

– Ну, и какие у вас планы? Поступить в институт будете?

Яреев, нехотя оторвав взгляд от тополя, вернулся к действительности и ответил:

– В этом году – нет. Приемные комиссии уже завершили свою работу. Оpozдал я немного по срокам.

Офицер понимающе кивнул головой и продолжил интересоваться:

– А куда работать пойдете?

– Еще не решил, – ответил Яреев.

– Ну, тогда у меня к вам есть предложение, – серьезно и даже несколько торжественно заявил работник военкомата.

– Да? – удивился Яреев. – И какое же?

– В городской батальон ГАИ требуются сотрудники, – почему-то жмурясь от удовольствия, сообщил офицер.

Яреев усмехнулся и вернулся взглядом к окну.

– Что смешного? – с некоторым подозрением спросил офицер.

Яреев смело взглянул в глаза военкоматского работника и поинтересовался:

– А не подскажете ли, товарищ майор, какой месяц нынче?

– Август, – ответил тот.

– Спасибо, – поблагодарил его Яреев. – Не знаю как вам, но мне кажется, что этот месяц предназначен природой специально для отдыха на море. Особенно для тех, кто оттархтел как я!

Майор совсем не обиделся. Он переложил правую пачку бумаги в левую и легко согласился:

– Да-да, конечно, вы ведь только что демобилизовались. Понимаю. Но в милиции дают квартиры! Причем быстрее, чем в армии! Ведь все зависит от горисполкома... Предлагаю вам съездить на море, а потом прийти к нам за направлением. Ну, сколько вы там будете? Неделю, две, месяц? Все равно деньги родителей быстро закончатся. Поверьте, в эту службу просто так не устроишься. Сейчас у них некомплект, и потому они попросили нас помочь. Им требуются молодые люди, только что пришедшие из армии. Так сказать – свежие, не испорченные жизнью личности.

– Нет, товарищ майор, – твердо сказал Яреев. – Я не для того снял с плеч погоны, чтобы сразу их напялить обратно.

– Хорошо, – ответил майор. – Но по возвращении с отдыха не забудьте зайти к нам за направлением. Поверьте, другого шанса не будет!..

Яреев вышел на улицу и с удовольствием рассмеялся. Его окружала красивая действительность, включавшая в себя южный город с девчонками в коротких юбках, а квартирный

вопрос совершенно не интересовал. Ведь отец Сергея (военный летчик-пенсионер) всего за год до его возвращения из армии получил заслуженную двухкомнатную квартиру почти в центре города.

Сергей праздничным шагом направился к ближайшей трамвайной остановке, имея на сердце всего одно желание – сегодня же укутаться с друзьями на море. Что в итоге и сделал, потому что желания сердца всегда важнее требований головы и любых некомплектов в каких-то там милицейских подразделениях, все флаги им в строй!

* * *

Когда Яреев вернулся домой, отец наконец смог с ним серьезно поговорить. Сергей отдохнул на море хорошо и потому родительские деньги у него быстро закончились. А других не было, так как у отца до получения следующей пенсии оставалась неделя, а матери (работавшей бухгалтером на картонной фабрике) – до зарплаты предстояло прожить целых десять дней.

Отец как раз в это время устроился на зеркальный комбинат и, заступив на должность инженера гражданской обороны (была раньше такая в любом государственном учреждении), предложил сыну новую профессию. Таким образом Яреев оказался в роли ученика резчика стекла.

Предприятие, на котором стал работать Яреев, в то время было монополистом по производству зеркал для мебели на юге России. Выучившись на резчика стекла, Сергей вдруг заметил, что стал неплохо зарабатывать. Зарплата была сдельной, плюс – так называемые шабашки, которые оборачивались неплохими деньгами, поскольку появившиеся недавно люди, называемые «новыми русскими», не собирались стоять в очереди на остекление построенных ими дворцов. А что нужно молодому неженатому парню, если денег хватает?

Неизвестно, что было нужно Ярееву, но через некоторое время он вдруг с удивлением обнаружил, что уже год является женатым человеком; жена его беременна, а о поступлении в ВУЗ речи в очередной раз идти не может, так как, являясь главой семьи, муж и отец должен обеспечивать едой и одеждой вновь созданную ячейку общества.

В то веселое время никто и понятия не имел о всяких европейских ценностях, которые позволяют разделить ответственность за содержание семьи между мужчиной и женщиной, в результате чего отцы и матери начинают считаться копейками, купленными продуктами и душами.

Сергей решил заняться образованием несколько позже, так как у него родилась прекрасная зеленоглазая дочь. И еще – умерла великая страна, которая называлась Советским Союзом...

* * *

Сначала начали расти цены. Потом на комбинат перестало поступать стекло. В связи с этим прекратили начислять зарплату.

Дочери Яреева исполнилось полтора года, и кормильцем семьи стала жена, которая устроилась торговкой на одну из барахолок. Сергей сидел дома и чувствовал себя крайне неловко, так как мир в его понимании перевернулся с ног на голову. Но тут пришел в гости один из друзей, в свое время внявший доводам офицера военкомата, и заявил:

– Серега! Ну сколько можно жить впроголодь? Пойдем к нам в ГАИ! Зарплату платят, квартиры дают!

Друг звался Михаилом Павловым и работал в милиции уже более двух лет. Яреев, плюнув на свой прежний завод, превративший его в домохозяйку, взял в руки необходимую для таких случаев пачку документов и отправился поступать в милиционеры. Правда, жена его, вернувшаяся с рынка, кричала: «Милый, не ходи, хуже будет!»! Но после выпитого с другом Мишей коньяка (принесенного, естественно, последним), Ярееву мнение жены было совсем не интересно.

В отдел кадров городского батальона ГАИ Яреев пришел не один. С ним увязался младший брат Миши Павлова, которого звали Юрой. Тот был профессиональным греблистом-байдарочником, имевшим не одну заслуженную спортивную степень. Поскольку в то время спорт развалился так же, как и любое другое советское предприятие, Юрику не хватало для существования не только витаминов, но даже самых обычных макарон.

Оказалось, в батальоне опять обнаружился некомплект сотрудников, так как он переформировывался в полк. Людей нужно было много и в связи с этим никакие направления от военкомата не требовались. Достаточно было иметь поручительство от сотрудников, уже работавших в ГАИ. Миша Павлов обещал поручиться за брата и друга, потому кандидаты на поступление в милицию чувствовали себя спокойно.

Начальник отдела кадров, внимательно рассмотрев военный билет Яреева, задал вопрос: – Кто-либо из родственников или друзей служит в ГАИ?

Яреев назвал парочку фамилий знакомых, решив пока не выдавать главный козырь. – Хм, – неопределенно ответил начальник отдела кадров, носивший погоны капитана милиции. – Сами без году неделя работают. Тоже мне – поручители!

Яреев, сообразив, что козырь придется раскрывать сразу, заявил:

– А еще – Михаил Павлов.

– Ага! – тут же хлопнул по столу рукой капитан. – Это тот, который, будучи дневальным по КПП, устроил на проходной гуталиновую лавку?! И продавал всем банки с немецким сапожным кремом втридорога?!

– Н-не имею понятия, – запинаясь, ответил Яреев, а Юрик, знавший своего брата досконально, вообще промолчал.

Капитан принялся буравить недобрым взглядом Яреева. Последнему почему-то подумалось, что начальника отдела кадров злит не то, что на КПП была устроена гуталиновая лавка, а именно цена товара. Видимо, капитан сам был покупателем у Миши.

– Ладно, разберемся, – зловеще произнес офицер.

Он отложил в сторону документы Яреева и взял в руки военный билет родного брата торговца гуталином. Увидев фамилию, капитан, зверски взглянув на Юрика, поинтересовался:

– Брат, что ли?

– Никак нет, – бодро ответил тот. – Однофамилец. Павловых на свете – как тузиков возле любой заводской столовой!

Капитан молча опустил голову вниз и принялся изучать документ Юрика. Спустя минуту рука его судорожно зашарила по столу, нашла очки и водрузила их на нос. Начальник отдела кадров тяжело вздохнул, поднял голову вверх и, издав горлом булькающий звук, тревожно уставился на Юрика. Тот, видимо, сразу поняв, в чем дело, раскаянно уткнулся глазами в пол.

– Эт-то что такое? – справился с собой капитан.

– Военный билет, – ответил Юрик, не поднимая головы.

– Я и сам это знаю! – рявкнул капитан. – Вот с другом торговца гуталином все ясно! У него четко написано: воинская специальность – водитель. Звание – рядовой. А у тебя?! Читаю по-порядку: младший сержант, сержант, старший сержант, старшина. Последняя должность – старшина пограничной заставы! И потом сразу – рядовой!!! Как это возможно?! Что же такое нужно было сотворить, чтобы тебя моментально разжаловали в рядовые? А?!

У начальника отдела кадров глаза хотели вылезти не то что из орбит, но даже через стекла очков. Юрик спокойно пояснил, не поднимая глаз:

– В новогоднюю ночь я из пулемета высандалил в воздух два магазина с патронами, оснащенными трассирующими пулями. Вот это был фейерверк!

– Где, на границе? – не поверил капитан.

– Ну да, – ответил Юрик. – Естественно, был поднят по тревоге весь отряд. Подумали – нападение на заставу. Ну, примчались на помощь, мы все пьяные, а турки на той стороне границы тоже веселятся. И у них, оказывается, тревога...

Начальник отдела кадров формируемого милицейского полка, уткнувшись носом в военный билет Юрика, пробубнил себе под нос:

– В принципе, что такое торговля гуталином на КПП? Тем более – немецким.

Он краем глаза взглянул на блестящий носок своего правого ботинка и добавил громче:
– Товарно-денежные отношения, блин... А время нынче какое?

Подумав о чем-то еще минуту, он взглянул на Яреева и произнес:

– Придете через неделю. Вам сообщат, что делать дальше.

Выйдя из административного здания батальона, Яреев сказал Юрику:

– Ох, и дурак же ты! Зачем было все это рассказывать?

– А нужно было признаться, что торговец гуталином мой брат? – поинтересовался Юрик. – Уж лучше в геройстве похвастаться, каким бы оно ни было.

– Время сейчас не то, – пожал плечами Яреев. – Мне почему-то кажется, что в последние годы торговля становится почетней любого геройства.

Через неделю Яреев узнал, что его документы приняты отделом кадров батальона ДПС ГАИ, а Юрику предложили поработать где-нибудь в другом месте, не связанном с оружием, любого рода фейерверками и поднятыми по тревоге турками.

* * *

Оформляться пришлось долго. В милицию брали только тех, кто никогда не состоял на учете в детской комнате милиции; тех, у кого не было судимых родственников и по многим другим благонадежным критериям.

Каждый поступающий должен был пройти специальную проверку, включавшую в себя предоставление данных о родителях, которые подтверждались запросами, посылаемыми в разные концы бывшего Советского Союза.

У Яреева отец был рожден в Баку. Новые власти Азербайджана совсем не желали отвечать на запросы из России, тем более, о каком-то рядовом несовершеннолетнем жителе, которого родители увезли оттуда еще в пятнадцатилетнем возрасте. Поэтому Яреева вызвали к новому месту службы только через полгода после подачи документов.

Зайдя в отдел кадров батальона ГАИ, Сергей услышал от капитана следующие слова:

– Про твоего отца сведения не присылают, сволочи! Не надо мне ничего говорить! Я знаю, что он – тут как тут. Но – порядок такой... Не переживай. Министерство обороны направило нам нужную справку. Все в порядке. Завтра с девяти утра ты уже работаешь в нашем подразделении. Подойдешь к старшине, тот выдаст тебе все необходимое.

– Спасибо, – поблагодарил Яреев начальника отдела кадров, совершенно не удивившись тому, что с ним разговаривают на «ты».

– Спасибо не булькает, – странно ответил тот. – И смотри, не дай бог станешь торговать гуталином на КПП. Вылетишь отсюда к черту!

На следующий день Яреев прибыл на новую работу и познакомился со старшиной батальона – старым заслуженным милиционером. Был он адыгом, и звали его Шагидом Аслановичем. А попросту – дядей Сашей. И никогда еще ни одно подразделение ГАИ во всей стране не знало лучшего старшины.

Дядя Саша выдал Ярееву «все необходимое» – то есть самодельную метлу – и отправил подметать стоянку с патрульными автомобилями, не забыв при этом напомнить:

– Как там тебя зовут, Серега, что ли? Смотри, не забудь пообедать с часу до двух. Тут в квартале отсюда хороший пивбар есть. Там шпикачки вкусно жарят. Смотри, пива много не пей, а то метлу в руках не удержишь.

Таким вот образом и началась для Яреева его нелегкая милицейская жизнь.

2

Раз в неделю – по средам – проводился день занятий. Личный состав сидел в актовом зале и записывал в специальные тетради премудрости законодательства. Жизнь на месте не стоит, а право – тем более. Сегодня можно, например, снимать номера с автомобилей за неправильную парковку, а завтра – дудки! Вот инспекторы и занимались.

Яреев, механически записывая фразы лекторши, присланной из юридического отдела УВД города, вспоминал прошедший год.

В связи с расширением батальона и превращением его в полк пополнение готовили на месте. Был организован учебный взвод, который выпускал в милицейскую жизнь новых сотрудников раз в три месяца. Это время считалось достаточным для обучения.

Учителями были опытные работники милиции, которых в городе существовало немало. Кроме этого приглашались преподаватели с юридических факультетов некоторых городских ВУЗов. Платили ли им за это деньги – Яреев не знал. Да и не интересовался. А вот огневой подготовкой занимался замполит полка.

В начале девяностых годов многие военные стали перебегать в милицию. Армия была развалена, а органы внутренних дел почему-то остались на плаву. Замполит полка в свое время окончил с отличием одно из политических военных училищ и был классным специалистом в словоблудии. Кроме того он стрелял из пистолета и автомата как ковбой, бегал со скоростью его лошади и еще умел правильно пошутить. При переходе из армии в милицию его звание подполковника сохранилось. Правда, в новое время замполиты стали называться по-другому: заместитель командира подразделения по работе с личным составом. Но это несколько не мешало величать таких работников старым привычным словом.

Физической подготовкой с молодыми милиционерами занимался омоновец, который перевелся в полк на должность простого инспектора в связи с тем, что находился уже в предпенсионном возрасте. Во время очередного боя с фанатами «Спартака», приехавшими из Москвы на матч с местной командой, омоновец получил по лбу сорванной с трибуны лавкой. Сначала он думал – это случайность. Но когда во время следующего матча один из болельщиков «Зенита» заехал милиционеру по затылку пластиковым стулом, омоновец понял, что жизнь диктует свои возрастные условия и потому пора переводиться на более спокойную работу, никоим образом не связанную с футболом. Но рукопашным боем он владел хорошо, в связи с чем и пригодился в роли преподавателя приемов самообороны в учебном взводе.

Наконец у милиционеров приняли зачеты, и они были распределены по взводам. Им предстояло отработать несколько месяцев в роли стажеров, а потом сдать еще один экзамен, который давал право называться инспектором и отвечать за все, что будет сделано ими во время службы.

Яреев получил свое первое специальное звание младшего сержанта милиции, чему нисколько не обрадовался. О мудрой армейской поговорке «Чистые погоны – чистая совесть» приходилось забыть. Но в каждом ведомстве свои законы, и если хочешь работать – нечего харчами перебирать.

Кроме него в один из взводов попали еще пять человек из учебного выпуска. Командир взвода распределял их к опытным инспекторам по одному ему понятному плану. Наставники чередовались как патроны в пулеметном магазине, а мудрости у молодых сотрудников не прибавлялось. В конце концов, из прибывшего пополнения остались всего три человека и Яреев начал понимать систему.

Один из молодых стажеров не смог сдвинуть с места ГАЗ-53, который необходимо было доставить на штрафную стоянку, так как водитель залил сливу и был на этом пойман. Стажер трижды пытался тронуть с места грузовик, но чудо техники периодически глохло. Тогда за руль задержанного автомобиля уселся наставник, и машина спокойно поехала. На следующий день стажер оказался в дежурной части в роли командующего телефонами, по которым граждане сообщали о случившихся дорожных происшествиях.

Второй кандидат в инспекторы был пойман ночью проезжавшим мимо экипажем недалеко от дома, в котором жил. Он, будучи в форменной одежде, орудуя жезлом и свистком, добывал себе пропитание, используя служебное положение в корыстных целях. В связи с тем, что задержание было произведено своими сотрудниками, скандал решили не раздувать и стажер просто уволился.

Третий молодой работник милиции, хлебнув водки в свой выходной день, набил лицо соседу, с которым пил, и тот написал заявление в прокуратуру. На следующий день сосед трезветь не захотел и потому заявление не забрал. Молодому сотруднику пришлось уволиться, так как в ГАИ новые хулиганы не требовались. Как оказалось – и старых хватало с избытком.

Яреев, краем уха слушая лекторшу, думал о системе, в которую он попал.

Система была плотной и четко сформированной сущностью. Она вмещала в себя опыт нескольких поколений и представляла собой тягучую жуткую субстанцию, из которой можно было выбраться либо в мир пустых магазинных полок, либо в тюрьму. Третьего варианта не существовало, так как в эпоху сплошной приватизации, бандитизма и так называемой «перестройки» совсем не следовало маленьким людям пытаться разрушать какие-либо системы.

Чередование наставников вызвано было простым действием – обезопасить подразделение от стукаческих элементов. О каждом вновь прибывшем сотруднике наставники составляли свое мнение. И делились этим мнением с руководящим составом. А главным руководителем был командир взвода – старый заслуженный гаишник, которого звали Николаем Васильевичем. В его присутствии как-то раз Ярееву позволили выпить водки с новыми товарищами. Это мероприятие оказалось контрольным тестом «на вшивость».

Дело происходило в заросшем углу городского парка. Яреев участвовал в пьянке, случившейся по поводу присвоения очередного звания одному из офицеров взвода. Коллектив был дружным и деления на офицерский и сержантский состав не существовало. Кроме командира взвода (капитана) офицеров было всего двое, остальные тридцать человек носили лычки, начиная с сержантов и заканчивая старшинами. Был даже один прапорщик. Это звание только что ввели в милиции.

Яреев сразу понял, что от него требуется. Он пил и отвечал на каверзные вопросы. Сослуживцы узнали, что он терпеть не может блатных песен, хорошо бренчит на гитаре и любит рок-н-ролл. Кроме этого, Серега умеет шутить на разные темы и прекрасно травит анекдоты. Далее: он считает, что красть у товарищей – западло, а стучать – недостойно.

В конце концов, Яреев отошел в кусты справить нужду, на выходе споткнулся и завалился там спать. Командир взвода, взглянув на торчавшие из зарослей хромовые сапоги Яреева, поставил диагноз:

– Наш человек. А всякие рокинроллы – дань моде. Чем только молодежь не тешится!

Яреева бережно подняли, отряхнули, привезли домой, и сдали на руки жене, которая при этом заметила:

– Ох, говорила ему – хуже будет!

Но хуже не стало. Стало лучше. Через месяц у жены и дочери Яреева возник так называемый диатез. Он напрямую был связан с большим количеством турецкого шоколада, который тогда возили все, кому не лень и предпочитали именно им расплачиваться за дорожные пре-

грешения. Может быть диатез и болезнь, но Яреев справедливо полагал, что лучше испытывать некоторые неудобства от посещения аптеки, чем радость от недоедания.

Еще в период стажировки Яреев понял, что инспекторы живут далеко не на одну зарплату. Наставник всегда платил за стажера во время обеда в столовой и покупал ему пачку сигарет. Но Сергей не лез в дела наставников, а просто таскал к ним нарушителей.

После пьянки в парке Яреева определили в напарники к опытному инспектору и Сергей понял, что это надолго. Видимо, тот сам его выбрал. Звали его Геннадием Гарколиным, и служил он в батальоне уже более пяти лет, хотя в возрасте с Яреевым и был почти ровесником. Вот здесь-то и началось детальное обучение.

До милиции Генка работал заготовителем в одной из сельскохозяйственных кооперативных контор, где научился нахлобучивать доверчивых дачников при сдаче ими лишней продукции, выращенной на своих огородах.

После первой же отработанной смены Гарколин, имевший личную машину (копейку красного цвета), вывез Яреева в тот же самый парк, достал бутылку водки с закуской и принялся рассказывать.

А говорил он следующее:

– Прежде чем взять деньги, подумай десять раз! Стоит ли брать их? Сначала сделай, что требует государство, а потом – видно будет! Упадёт что-либо с дороги – повезло. Не упадет – и не надо. Тебе Родина зарплату платит. А большая она или маленькая – не важно. Не нравится – иди землю пахать. А деньги получать надо с умом. Причем не вообще, а именно у того или иного человека. Запомни, нельзя брать деньги у таксистов. Они – лакеи, которые могут отнести чемодан на пятый этаж, отдать свою машину для любовной парочки, лишь бы им заплатили побольше. Короче – те же проститутки, способные за деньги продать не только тело, но и маму родную. Если у тебя возникнет желание помочь таксисту, пусть лучше он тебя домой бесплатно отвезет. Запомни – они все стукачи. Опера – если им нужна информация – в первую очередь работают с таксистами. Далее – не бери денег у тех, кто не имеет возможности зарабатывать сам. Да и вообще – у молодежи. Студенту мама дала денежку на булочку. Он тебе ее отдал, а сам голодным остался, и потому обиженным на тебя. А даже если он, студент этот, и подрабатывает где-то, все равно – сдаст тебя при первом же удобном случае. Потому что жизни еще не нюхал и не знает, что хорошо, а что плохо. И самое главное – не продавай угонщиков! Они – враги твои. Из-за них тебя заставляют в жару и холод часами стоять в бронжилете на беспонтовых перекрестках, а потом устраивают в твои же выходные дни всякие рейды. Но дело даже не в том, что из-за угонщиков ты не станешь бывать дома. Сколь веревочке не виться, все равно конец найдется. Не бывает угонщиков, которые не попадаются. А вот когда он попадетсЯ, опера из него вытянут все. Поверь мне. Такие случаи уже были. И расскажет эта сволочь, по каким дорогам она ехала и кому и сколько платила за проезд. И день вспомнит, и точное время...

Яреев дописал последнюю строчку и поднял голову. Лекторша собрала свои книжки и вышла из актового зала. Ее место занял капитан Хмара, а на столе перед ним двое сотрудников принялись устанавливать большой телевизор. Зал замер в ожидании. Готовилось что-то интересное.

Николай Анатольевич Хмара слыл прекрасным специалистом в сфере оформления дорожно-транспортных происшествий. Именно это он и преподавал в учебном взводе. Но еще лучшим специалистом Хмара был совершенно в другом деле.

Не было в полку человека, ревностней его относящегося к исполнению инспекторами своих обязанностей. Поэтому он занял должность начальника отделения службы. В его обязанности входил контроль над соблюдением сотрудниками дисциплины, законности, процессуальной грамотности, короче – всего того, что характеризуется выражением: «Не так стоишь, не так свистишь».

На служебном автомобиле он шнырял по всему городу и неожиданно обнаруживался под боком у инспектора тогда, когда тот делал что-нибудь неправильно (заваливался в кустах спать в патрулке после обеда, болтал с шашлычниками, находясь вдалеке от своего маршрута, и тому подобное). Хмара почти никогда не кричал, а говорил тихо, заставляя прислушиваться к каждому своему слову. Вряд ли он был знаком с трудами Макиавелли, но в умении нагнать страху отличался крайней изобретательностью. Личный состав его не то что не любил, но испытывал к нему совершенно противоположное чувство.

По новому полковому штату в его отделении должно было находиться еще пять офицеров, потому что шпионить одному за целым полком не получится никак. Но пополнение из юридического института милиции ожидалось только через несколько месяцев (простые инспекторы не желали идти к нему в отделение, хотя им и предлагали офицерские должности), и Хмара довольствовался пока всего одним подчиненным – старшим лейтенантом Ёлкиным, который перевелся в милицию из армии.

Скорее всего, в бытность свою военным, Ёлкин служил в разведке. Он лихо лазил по заборам, ползал в кустах и умел подкрадываться к инспекторам в самых неудобных местах. Бывало, мог затесаться в толпу на трамвайной остановке и, оставаясь невидимым, записывал в блокнотик номера остановленных инспектором машин. Короче, никаких теплых чувств к нему у личного состава не было и в помине, и даже Хмара по сравнению с ним выглядел хоть и нежелательным, но достаточно свойским элементом.

В данный момент Ёлкин с важным видом настраивал телевизор. Яреев поразились тому, что глаза бойца невидимого фронта закрывали солнцезащитные очки. Время года было зимнее и очки на лице разведчика выглядели несколько странно. Приглядевшись внимательнее, Яреев заметил, что на коже старшего лейтенанта, как раз там, где заканчивались стекла, виднелись полоски синего цвета.

– Что это с ним случилось? – спросил Яреев шепотом у соседа.

– Ха! – тихо ответил сидевший рядом с ним сержант. – Нарвался в очередной раз.

!

Инспектора звали Андрюшей Алмазовым, но, несмотря на откровенно цыганскую фамилию, прозывали не иначе как Израилем Моисеевичем, а попросту – Изей. Он совал свой нос в любые дырки и всегда знал все и про всех. Вот и в этот раз Изя, давась словами, принялся нашептывать Ярееву в ухо:

– На прошлой неделе меня поставили в усиление на один из постов. Этот неугомонный Ёлкин подполз из лесополосы к деревянной будке сортира и спрятался за ней. Хорошо – проезжавший мимо водитель заметил и сообщил нам. А за этот туалет мы сгребали всякий мусор:

листья, окурки и тому подобное. Один из инспекторов подкрался к сортиру, и бросил за него армейский взрывпакет. Ох, и дыму было, когда он бабахнул! Ты бы видел этого доблестного старлея! Весь в бычках, мусоре, пыли... Морда серая, волосы дыбом! Фуражка в лес улетела на фиг! Вот наржались!

– А фингал под глазом у него откуда? – спросил, смеясь, Яреев.

– А вот этого я тебе не скажу, – заговорщически подмигнул Изя. – А то смотреть будет неинтересно. Они заполучили большую видеокамеру и теперь снимают кино. Вчера наснимали так, что камера гавкнулась. Сейчас сам увидишь.

Хмара тем временем предложил:

– Предлагаю посмотреть, как не надо работать.

Он нажал какую-то нужную кнопку, и инспекторы уставились в телевизор.

На экране возник КПП, причем, довольно близко. У всех сотрудников, присутствовавших на занятиях, в головах промелькнула одна и та же мысль – хорошо разведчик подкрался, сволочь. По экрану то и дело пробегали какие-то нити. Видимо, съемка проводилась из центра куста и ветки, качаемые ветром, мелькали перед объективом камеры.

Взорам зрителей представилась следующая картина: рядом с крыльцом КППМа, широко расставив ноги, стоял старшина Женя Тягомотин по прозвищу «Хряк немый». Обе руки его вольготно устроились в карманах шинели, а изо рта хищно торчала длинная сигарета.

Кто-то из заднего ряда тихо прокомментировал:

– Так вот почему он с утра КПП охраняет!

Рядом с Женей с кружкой чая в руках стоял другой инспектор и что-то оживленно рассказывал. Третий сотрудник на противоположной стороне дороги проверял ручник в каком-то ржавом «Москвиче». Эта идиллическая картина длилась не более двух минут. Потом Женя вдруг повернул голову в сторону камеры, глаза его недобро прищурились, а рот что-то произнес вслух. Из-за гула, издаваемого проезжавшими машинами, фраза была не слышна, но легко читалась по губам и представляла собой стандартную матерную идиому. Инспектора с кружкой тут же как ветром сдуло. Женя тоже скрылся за углом поста. Третий милиционер, не обращая никакого внимания на изменившуюся обстановку, зашел в здание вместе с водителем, ушаченным в нарушении правил по вине отечественного автопрома. Минуты три камера снимала пустое крыльцо.

И вдруг в воздухе возник быстро приближавшийся предмет. Сначала он казался точкой, но, по мере сокращения расстояния до объектива, быстро рос в размерах, пока не превратился в кусок белого силикатного кирпича. Хрустнули ломаемые ветки, камера рывком задралась вверх, захватив краешек серого зимнего неба, и раздался чей-то душераздирающий вопль. Съемка прекратилась.

По залу прокатился веселый гогот. Хмара, повысив голос, сказал:

– Молчать!

Смех затих. Капитан продолжил:

– Синяк под глазом – ерунда. Как говорится: на войне – как на войне. Нечего клювом щелкать на работе. А вот за поломанную камеру ответит вся смена!

Неожиданно перед ним появился помощник дежурного по полку. Он сказал несколько негромких слов и Хмара тут же принялся рыскать взглядом по залу. Личный состав инстинктивно уткнулся глазами в сапоги. Найдя склоненную в сторону трибуны макушку Яреева, капитан произнес:

– Яреев, к командиру полка!

Сергей встал и, сопровождаемый сочувствующими взглядами, вышел из зала. Ибо всякий инспектор знал, что к начальнику столь высокого ранга для получения пряников никогда не вызывают. Хмара увязался следом за сержантом.

Перед входом в штабное здание стояли командир полка Павел Григорьевич Дудинцов и слегка опоздавший на занятия Генка Гарколин. Яреев приложил руку к шапке и доложил:

– Товарищ полковник, сержант Яреев по вашему приказанию прибыл.

Хмара ни о чем докладывать не стал, а просто тихо замер рядом с Гарколиным.

Дудинцов раздраженно махнул кулаком в сторону Яреева и спросил у Генки:

– Ты вчера вечером в районе ипподрома моего кума останавливал?

– Какого именно? – переспросил Гарколин. – У вас их много.

– На желтом «Мерседесе». Он по национальности грек.

– А-а-а, – вспомнил Генка. – Фамилия у него Попадаки?

– Да, – подтвердил командир полка. – Что ты сделал с его удостоверением внештатного сотрудника милиции?

– Не видел я никакого удостоверения, – не моргнув глазом, ответил Генка. – Он достал какую-то красную книжечку, она выскочила из его рук и тут же провалилась в решетку ливневой канализации.

– Да? А мне он рассказывал по-другому, – Дудинцов еле сдерживался, чтобы не заорать. – Он мне рассказывал, что ты, изучив его удостоверение, глумливо сказал: «Оп-ля!», – и специально разжал пальцы. А на люк канализации ты встал заранее.

– А там неглубоко, – сообщил Гарколин. – Он удостоверение почти сразу достал.

– А визитную карточку мою он тебе показывал? – поинтересовался командир.

– Да.

– Так почему ты у него права забрал за проезд под запрещающий знак?

– Визиток можно напечатать в любой типографии сколько захочешь. Весь город в визитках. Вон, Яреев подтвердит...

Дудинцов даже не взглянул в сторону напарника Гарколина.

– Конечно, подтвердит, – с сарказмом произнес он. – Как же не подтвердить, если на прошлой неделе он моего племянника на штрафстоянку загнал!

– Так у него водительского удостоверения не было, – пояснил Яреев. – А родственниками вашими действительно представляется половина города.

– Понятно, – командир пожевал губами и сообщил, – в канцелярии лежит рапорт, в котором Гарколин просит разрешить ему поступить в высшее учебное заведение.

Дудинцов, с ехидством взглянув на Хмару, спросил:

– Николай Анатольевич, это ты на нем колбасу резал?

– Нет, не я, – ответил начальник отделения службы.

– Вот видишь, Гарколин, хрен кто признается в порче документов, – довольным голосом сказал командир. – А новый рапорт писать не надо. Лейтенантов у нас навалом. Да еще эти блатные отморозки из юридического института скоро придут. А Яреев, я смотрю, выглядит уставшим. Надо ему на КПП отдохнуть.

- Там уже Тягомотин трудится, – доложил Хмара.
- Тягомотин тоже когда-то выходным быть должен. Вот и чередуй.
- Есть! – ответил Хмара.

Гарколин с Яреевым по пути к актовому залу завернули в курилку. Там, закурив, Генка сказал:

- Чертова система! Чтобы получить высшее образование, нужно разрешение командования спрашивать.
- Не переживай, – произнес Сергей. – Григорыч человек отходчивый. Сейчас не подпишет – подпишет через месяц.

Гарколин затаился и, выдохнув с силой дым, заявил:

- Блин! Поймаю еще раз этого грека – устрою ему крах Византии!
- Ха-ха-ха! – рассмеялся Яреев.
- Ты чего ржешь? – не понял Генка.
- Вспомнил, как Попадаки решетку монтировкой ковырял!

Они рассмеялись хором.

Занятия, как всегда, закончились в тринадцать часов дня. Весь инспекторский состав вооружили, дали час перерыва и отправили работать. По традиции – нарушители в этот день не требовались. Задача стояла такая: насвистеть немного денег, набрать водки и закуски, быстро сдать оружие и прибыть в укомное место.

У каждого взвода оно было своим. У кого-то – угол в заросшем парке, у других – берег реки, протекавшей по южной окраине города. Сотрудники полка ГАИ раскладывали на поваленных стволах деревьев закуски и начинали еженедельную коллективную пьянку. Если стволов не было, использовали для этого мероприятия капоты личных автомобилей.

На таких сборищах обсуждались вопросы, связанные с исполнением традиций, а также высказывались обиды, которые тут же и решались. До драк не доходило никогда. За этим следили самые старые и опытные сотрудники.

Яреев понял, что он оказался в мини-государстве, а точнее в некоем сообществе людей, которые, стоя на страже закона, имеют свой собственный закон, на порядок отстоящий от общепринятых социальных норм жизни.

Яреев слушал старших и запоминал следующее: «Никогда не трогай близких родственников своих сотрудников. К ним относятся: родные братья и сестры, матери и отцы, бабушки и дедушки, жены и мужья, а также дети. Вся остальная толпа, типа – тещи, тесты, двоюродные братья и сестры, племянники всякие и тому подобные жизненные особи – идут по-своему, то есть за меньшую цену. Любой город станет маленьким для тебя, если будешь отпускать даром всех подряд. И никакого порядка от этого не добавится. У каждого племянника есть куча своих родственников, братьев и сестер. Даже самый большой мегаполис превратится за короткое время в конгломерат особей, которых нельзя будет тронуть. В итоге – штрафовать

станет некого! Но первую категорию не трогай вообще! Даже если они бухие! Колхозные гаишники на периферии отпускают даром любых родственников. Но у них совсем иная система. Там можно у этих нарушителей попросить то, что они имеют или возят. То есть: сено, комбикорм, кирпич, песок и тому подобное. В большом городе – другое дело. Зачем тебе сено или комбикорм? Здесь нужны деньги. Потому что не колхоз, е-мае!»

На следующий день Женю Тягомотина реабилитировали, так как он оплатил из своего кармана ремонт видеокамеры. Выговоряку, правда, все равно ему вlepили: за курение на посту и руки в карманах. Но он не сильно по этому поводу расстроился, так как знал, что в следующий раз старший лейтенант Ёлкин вряд ли к нему поедет с проверкой. Ибо кому нравятся кирпичи, летящие в голову?

Но Женя сделал выводы. Он понял, что на посту ему совсем не нравится нести службу. Потому Тягомотин купил большой пакет, наполнил его деликатесами и алкогольными напитками, сходил к нужному человеку (история умалчивает, к кому именно, но личный состав подозревал замполита), и перевелся в один из взводов, обслуживающих территорию внутригородских округов. Его закрепили за патрульным автомобилем, и теперь тому же Ёлкину стало в несколько раз тяжелее охотиться за движущейся целью, в отличие от стоявшего на одном месте КППа.

Ну, а поскольку место на КПП освободилось, его занял Яреев. Торговать гуталином он не стал, потому что и без того работы хватало. Инспекторы по окончании смены приносили номерные знаки, скрученные у водителей, нарушивших правила стоянки. Они сваливались кучей в одном из углов КПП. Два раза в день приходил сотрудник из отделения административной практики и занимался выпиской штрафов тем из водителей, которые прибегали за номерами. Люди были в панике, так как за езду без знаков (даже без одного) автомобиль тут же загонялся на штрафную стоянку первым же попавшимся на дороге инспектором.

Самое интересное – никто из водителей совершенно не желал встречаться с представителями из отделения административной практики. Как оказалось, при выдаче номеров и выписке штрафов они требовали от участников дорожного движения всяческие документы типа медицинских справок, технических паспортов на автомобили и, представьте себе, даже водительские удостоверения, которые проверялись в лучах ультрафиолетовой лампы на подлинность, что доставляло массу неприятных ощущений тем нарушителям, которые купили эти документы в солнечной Адыгее.

С дневальными было все гораздо проще. Пару перемигиваний, потная рука с зажатými в ней купюрами, несколько минут поисков в куче алюминия, и – довольный водитель убежал прочь. А на долю инспекторов административной практики и так оставалось номеров достаточно.

Яреев даже задумался, стоит ли возвращаться на линию? Ведь существовало еще КПП номер два. Оно находилось с другой стороны территории полка и туда посторонних не пускали. Там имелся кабинет медицинской экспертизы, действовавший от наркологического диспансера.

Врачи заседали внутри особого здания и проводили освидетельствования доставленных инспекторами бухарей. Дневальный там выполнял роль стража, основной обязанностью которого было недопущение к докторам уже оформленных водителей или их материально обеспе-

ченных родственников. Бывало – все перечисленные лица решали вопросы именно с дневальным, который потом ходил к врачам, после чего бухари на бумаге вдруг становились трезвыми.

Тем временем Гарколина тоже сняли с линии и приказали срочно прибыть в Управление ГАИ края. А дело было вот в чем.

Около полугода назад остановили они с Яревым громадный белый «Мерседес» с чеченскими номерами. За рулем этого восхитительного автомобиля сидел какой-то абрек, заросший бородой чуть ли не до носков ботинок. Гарколин потребовал у чеченца документы. Тот предъявил паспорт и техпаспорт на машину. Как выяснилось из дальнейшего разговора, водительского удостоверения у чеченца отродясь не бывало, поскольку в горах для управления ишаком оно не требуется, а машина – тоже перевозочное средство, только железное.

Чеченец ездил отдыхать на море, а сейчас возвращался в свои любимые скалы. В связи с этими обстоятельствами бородач посчитал нужным достать из кармана американскую денежную купюру приличного достоинства, прихлопнуть ею один из погонов Генки и заявить, усмехаясь:

– На тебе денег! Засунь их себе – куда хочешь. А я поехал дальше!

Гарколин щелчком пальца сбил купюру с погона, и они с Яревым с огромным обоюдным удовольствием загнали «Мерседес» на штрафстоянку, которая располагалась тогда на территории полка. А на водителя Генка составил протокол. После этого бородач чеченский нарушитель вышел из административных бараков в красивый южный город, сел на первое подвернувшееся такси и укатил в сторону одного из вокзалов.

Через несколько месяцев штрафстоянку перенесли в другое место. За «Мерседесом» никто не приходил и потому он, обрастая пылью, стоял в полку еще полгода, все больше и больше превращаясь в кучу грязи. Потом кто-то из журналистов,

оформляемых за езду в нетрезвом виде, тайком переписал номерной знак машины и каким-то образом установил владельца.

В одной из газет появилась статья. Из ее содержания следовало, что хозяином «Мерседеса» является (точнее – являлся) племянник новоявленного чеченского президента Дудаева.

Во время каких-то очередных закономерных волнений, связанных с переделом собственности в «освободившейся» республике, владельца машины пристрелили в установленном законом гор порядке. Дело было еще до начала первой чеченской войны. Журналист убивался горем, сетуя на судьбу великолепной машины, оставшейся бесхозной.

По поводу этой газетной статьи и состоялось совещание в Управлении ГАИ края. В нем принимали участие: начальник ГАИ полковник Петров, четыре его заместителя (тоже полковники, естественно) и командир городского полка Дудинцов. В роли агнца, предназначенного для заклятия на этом шабаше, должен был выступить Генка. И он предстал перед собранием начальников.

На столе лежала толстая амбарная книга и Дудинцов, водя пальцем по строчкам, раздраженно говорил:

– Ну, да. Вот здесь все есть. Материал отправили в город Гудермес. И корешок от протокола имеется.

Полковник Петров строго посмотрел на Гарколина и потребовал:

– Ну, инспектор, рассказывай, как все было.

Генка подробно рассказал.

– А почему ты не сдал его в райотдел? – поинтересовался Петров.

– Не было оснований, – ответил Гарколин. – На руках у него был паспорт. Он вел себя прилично и ничего запрещенного в машине не перевозил.

– И что, не надо в райотдел сдавать?

– А за что? – удивился Генка.

– Ты не знал, что в Чечне беспорядки? Туда что ни пошли – все пропадает!

– А я тут при чем? Я же не почтальон! – Гарколин не мог понять, чего от него хотят. – Мое дело написать. А что и куда отправлено – не ко мне.

Петров взглянул на Дудинцова и приказал Генке:

– Выйди!

Гарколин вышел в приемную и уселся на кожаный диван. Через двадцать минут его опять позвали и история повторилась.

– Так почему ты не сдал его в райотдел? – снова спросил Петров

– Не было оснований, – ответил Генка, удивляясь тупости вопроса.

– Надо было найти основания, – выдал мудрую мысль один из заместителей Петрова.

– Я же не прокурор, основания искать, – сказал Гарколин.

– Выйди вон! – скомандовал начальник ГАИ края.

Инспектор вышел и снова уселся на диван. Через полчаса Генка прослушал лекцию из уст полковника Петрова.

Тот говорил:

– Настоящий инспектор должен чувствовать ситуацию. Он обязан смотреть вперед. Вот что теперь делать, а? «Мерседес» гниет на стоянке. Его никто не забирает. Хозяин убит, журналисты пишут... Что делать?!

Гарколин ответил:

– Ну и пусть себе стоит. Он же кушать не просит и места много не занимает. Там у этих чеченцев куча родственников. Не могли же они перестрелять сами себя до последнего! Определятся с наследством, приедут и заберут машину.

– Что ты несешь?! – заорал Петров. – Это же автомобиль родственника целого президента! Это же межнациональный конфликт!

– А я тут при чем? – не сдавался Гарколин. – Я все сделал по закону!

– Выйди отсюда! – окончательно распорядился Петров.

– Завтра зайдешь ко мне в кабинет, – добавил Дудинцов.

На следующий день в кабинете командира полка Генка ознакомился с выговором, который ему объявили за «ненадлежащее исполнение своих обязанностей». Он удивленно взглянул на Дудинцова. Тот увел глаза в сторону и сказал:

– Ты распишись, что ознакомился. А твой рапорт о поступлении в высшее учебное заведение я уже подписал. Можешь идти учиться.

Гарколин, сопя от злости, поставил подпись в требуемой бумаге. Дудинцов, забирая папку из-под генкиной руки, говорил как бы сам себе:

– Выговор влепили на всякий случай. Вдруг что-нибудь не так выйдет, а глядишь – инспектор уже наказан. Можешь идти.

Инспектор тяжело затопал к выходу. Уже перед самой дверью он услышал отдельную реплику, прорвавшуюся через бульканье командира:

– Ссут, понимаешь, кого ни попадя...

Вечером от огорчения Генка напился водки, догнался холодным пивом и слег в постель с простудой. Яреева же выперли с КПП на линию, так как свято место не бывает пусто.

3

Дневальным на КПП заступил сержант Кипятков. Звали его Константином, и вина его была ужасной! Будучи старшим патрульного наряда, Кипятков на одной из улиц в промышленной зоне обнаружил регулируемый железнодорожный переезд, оборудованный сигнализацией, но не имеющий шлагбаумов. То есть светофоры и сигнализация включались только при движении поездов, которые ходили крайне редко (пару раз в сутки) и представляли собой составы, состоявшие из нескольких грузовых вагонов, прицепленных к маленькому маневровому локомотиву.

Место было спокойным и Кипятков захотел там посвистеть. А чтобы было не скучно, он решил существенно разнообразить характер движения железнодорожного транспорта. Для этой цели Костя принес из дома здоровенный бабушкин будильник.

Он заводил часовой механизм, включал его на звонок и приставлял к приемному устройству патрульного громкоговорителя. Звон, многократно усиленный матюгальником, несся над улицей. Напарник Кости (молодой инспектор по имени Ваня Дрозд) тут же выскакивал на дорогу и останавливал несколько машин, водители которых проехали железнодорожный переезд якобы на запрещающий сигнал светофора (звон будильника был слышен даже на соседних улицах, а на то, что светофор не включался, испуганные водители внимания не обращали). Работа просто кипела! До той поры, пока по этой улице не проехал Хмара.

На одном из автотранспортных предприятий в промышленной зоне работал его сосед по подъезду, который пообещал капитану завулканизировать две дырявые камеры с колес его личного автомобиля. Сосед, конечно, сделал, что обещал, но содрал с Николая Анатольевича денег в два раза больше, чем среднестатистический армянский слесарь. Из-за этого прискорбного факта настроение у Хмары было паршивым, а тут еще Кипятков со своим будильником.

Управляя служебной шестеркой «Жигулей», Хмара про себя материл соседа и совсем не ожидал еще какой-нибудь подлости от окружающего его мира. Но она случилась!

От неожиданно возникшего варварского звона Николай Анатольевич едва не въехал в багажник остановившегося впереди «Москвича». Резко крутнув рулем вправо, Хмара в последнюю секунду избежал столкновения, но чуть не раскатал по асфальту выскочившего на дорогу напарника Кости. Обычно спокойный капитан превратился в разъяренного монстра и орал на Кипяткова так, что тот забыл название улицы, на которой они находились.

Экипаж был снят с линии и Хмара направил двух изобретательных негодяев в подразделение для организации увольнения их из органов внутренних дел. Но дорога была неблизкой и по пути Николай Анатольевич, придя в себя, вдруг вспомнил, что две недели назад именно Кипятков задержал парня спортивного телосложения, в сумке которого находился автомат Калашникова с четырьмя магазинами, набитыми патронами. Как потом оказалось, оружие проходило по нескольким делам, связанным с заказными убийствами, и в канцелярии полка готовился приказ на поощрение доблестного инспектора.

Еще немного покопавшись в памяти, Хмара выудил оттуда информацию о молодом напарнике Кипяткова, который работал самостоятельно всего месяц, но за это время умудрился оформить более десяти нетрезвых водителей, что являлось неким рекордом и ставилось в пример другим инспекторам.

Сопоставив вышеперечисленные факты, Хмара, прибыв в подразделение, пообещал инспекторам-затейникам в следующий раз вставить каждому по будильнику в известные всем физиологические места; после чего Кипяткова отправил на КПП менять Яреева, а Дрозда определил на месяц в дежурную часть, где как раз требовался сотрудник для работы с информационными базами. Таким образом Яреев опять оказался на линии, но без напарника, потому что Генка все еще болел и выходить на работу не торопился.

Сергея поставили работать во вторую смену с другим сотрудником. Это был молодой и рослый старший сержант. Звали его Гришей Цаповым. Служил он всего несколько лет, но зарекомендовал себя инициативным инспектором. Работать с ним никто не любил, потому что у него была своя система свиста, которая сильно расходилась с догмами, существовавшими в ГАИ еще с советских времен.

Он выезжал на маршрут, выбирал место, выходил из патрульного автомобиля на дорогу и останавливал сразу несколько автомобилей. Писал нарушителей столько, сколько требовалось. Он не смотрел, что за человек перед ним, а просто наказывал за любое выявленное нарушение. Цапов не брал денег даже с тех, кого инспекторы называли «старой гвардией», то есть с порядочных людей, которые никогда не сдадут.

Получалось, что ровно половину времени Гриша был честным и принципиальным инспектором. Зато в другую половину смены он превращался в жуткого крохобора, забиравшего у водителей все, что они смогут дать. Дадут несколько сотен рублей – большое спасибо; дадут три копейки – и это сгодится. А ничего не дадут, – «Ну и черт с тобой, со жмотом! Езжай отсюда, пока при памяти!»

Обычно возле его патрульного автомобиля стояло пять-шесть машин и столько же водителей, ожидавших своей очереди. Гриша спокойно писал карточки и протоколы, пока не попадался какой-нибудь конченный нарушитель, начинавший качать права. Тогда на свет выползала вторая часть натуры Цапова, наполненная до краев страстью к самому подлому интриганству.

Так случилось и в этот раз. Яреев наловил нарушителей и организовал столь любимую Гришей очередь. Цапов сидел в машине и писал карточку. Рядом с ним на пассажирском сидении умничал армянин.

Гриша спросил у него:

- Так вы не согласны с тем, что нарушили рядность на кольце?
- Конечно, ведь я ехал правильно! – ответил водитель.

Цапов взглянул в левое зеркало и увидел возле заднего крыла патрульки четверых очередников, переминающихся с ноги на ногу. Он открыл свою дверь, резко нагнулся к армянину и тихо шепнул тому в ухо: «Ты – гнойный педик!», после чего выпрыгнул из машины. Водители, стоявшие в очереди, тут же услышали хриплый вопль разъяренного армянина:

- А ты – козел рогатый, мать твою!

Гриша с важным видом обратился к свидетелям:

- Слышали? Это оскорбление представителя власти!

Подбежал Яреев и, оценив ситуацию, начал отбирать у водителей объяснения. Армянин уже вылез из патрульки на улицу, отошел подальше (чтоб неслышно было) и крыл матом ближайшие кусты, всю власть целиком, и Гришу Цапова в частности как ярчайшего представителя этой власти.

Через двадцать минут свидетели, дав нужные показания, отбыли восвояси. Они уезжали довольными, так как никто не стал их штрафовать. Цапов же тряс пачкой объяснений перед носом оскорбителя и пояснял:

– Сейчас, родной, мы поедем с тобой в райотдел. Там с тебя снимут подтяжки и вытащат шнурки из твоих модных армянских ботинок, а потом заведут уголовное дело за оскорбление лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

– Командир, ты же первым начал обзывать, – оправдывался уже успокоившийся водитель.

– Где это написано? Где доказательства? Вот написано, что гражданин Микаелян поносил инспектора и его близких родственников нецензурной бранью. Это свидетели, понимаешь – свидетели!

– У меня тоже будет куча свидетелей, – не сдавался оскорбитель.

– Ах, так?! Все! Поехали в райотдел! Можешь уже на ходу снимать подтяжки...

Гражданин Микаелян немного подумал и решил дальше не испытывать судьбу на прочность. Он сказал примирительно:

– Да ладно-ладно. Сколько я там должен?

– А уже не надо, – Цапов изображал справедливый гнев. – Уже все, тю-тю! Посидишь в козлятнике, поумнеешь. Там тебя новые кенты по решетке многому научат...

Назревал деловой разговор. Яреев отошел в сторонку и закурил. Он не мог так работать. Какое-то элементарное чувство порядочности не давало ему права на подлость. Да и твяканье с нарушителями Сергей ставил ниже чувства собственного достоинства. Водитель не согласен? Плевать! Берешь в руки ручку и молча пишешь протокол. Пусть жалуется. Еще с советских времен существовало определение: «Если на инспектора нет жалоб – значит, он не работает». Ибо кто ж тебе улыбаться будет, если ты отбираешь водительское удостоверение, или выписываешь штраф? Не следует считать, что общество состоит сплошь из одних мазохистов.

Пока Яреев раздумывал о способах Гришкиной работы, тот продал Микаеляна и уже махал в форточку рукой, дескать – поехали. Сергей уселся в патрульку, и они отправились ловить пьяных.

Цапов довольным голосом рассказывал:

– Вот дурак! Если б не гавкался, отделался бы пустяковым штрафом за рядность. А так пришлось ему выложить сумму, в двадцать раз большую. Учись работать, Серега, и у тебя все будет! Надо уметь общаться с людьми. А лучше всего – сталкивать их лбами. У меня это хорошо получается. Кстати, сталкивание лбами – довольно интересная и приятная штука.

Через полчаса Яреев выловил пьяного в хлам черкеса, который на старой «Волге» пытался прокрасться в свой любимый аул. На вопрос Цапова, какого лешего черкес, будучи мусульманином, нарушает установки ислама, тот ответил:

– Ночь. Темно. Аллах спит, не видит.

Денег у него с собой не нашлось, и потому инспекторы загнали «Волгу» на штрафстоянку, а Асланчерия (так звали черкеса), свозили на экспертизу, после чего отобрали у него права.

Экипаж хотел было вернуться на маршрут, но по рации прозвучала команда дежурного по полку, которая звучала так: «Внимание! Всем патрулям активизировать работу!» В переводе с официального языка это означало, что необходимо срочно купить водки с закуской и немедленно прибыть в подразделение. Цапов с Яревым заехали в ночной магазин и с включенными маячками прилетели в полк.

Они успели вовремя. У одного из инспекторов случился день рождения, и потому вся вторая смена собралась в боксах. Закуску разместили на капотах машин, и принялись отмечать вышеназванный праздник.

* * *

Приблизительно в это время начали происходить большие перемены. Но самая главная из них – перестали давать квартиры. Если кое-кому и удавалось получить жилье, такие счастливицы были командирами высшего эшелона. В остальном – форменную одежду, запасные части на автомобили и даже деньги на бензин выдавали пока исправно, хотя иной раз и случались перебои. Форма стала другой. Шинели, тулупы, сапоги ушли в прошлое, а новая одежда поменяла цвет с серого на синий.

Командиры взводов свистели сами. Это было связано с боязнью попасть под статью, благодаря которой за групповое деяние припаивали гораздо ббльшие сроки. Поэтому командиры взводов, подъезжая к своим экипажам, говорили:

– Так. Всех нарушителей ко мне!

Инспекторы минут двадцать таскали нарушителей в патрульку начальника. Потом командир уезжал к следующему патрулю. Но раз в неделю каждый экипаж получал двадцатилитровую канистру и привозил ее полной бензина. Это действие не считалось зазорным и приравнивалось к «борзым щенкам», которые, как известно из классики, к взяткам никакого отношения не имеют.

Взводом, в котором служил Яреев, командовал заслуженный ветеран Николай Васильевич, служивший в ГАИ еще во времена Брежнева и потому никак пенсии не боявшийся (типа – если выгонят, значит, действительно пора). Он был покладистым и спокойным человеком.

Книгой нарядов, которой он заведовал, пользовались достаточно демократично. Если инспектору были нужны выходные дни в определенные числа месяца, он брал книгу, кото-

рая всегда лежала на столе в кабинете начальника, и карандашиком записывал нужные даты. Командир взвода переписывал пожелания, и наряд печатался так, как было нужно сотрудникам. Если что-то не получалось (рейдовые мероприятия, сопровождение прибывших министров и т. п.) инспекторы всегда ставились в известность.

За это командира взвода сильно уважали, так как в соседних подразделениях даром выходные не раздавались, а книги нарядов считались совершенно секретными документами и в руки личного состава не попадали. В связи с этим каждый из инспекторов считал своим долгом хотя бы раз в неделю подарить командиру бутылку водки или несколько банок хорошего пива, а бывало, что и палку только что отжатой у барыг колбасы. Так бы и жили, спокойно и тихо, но...

Полк, в котором было уже более шестиста сотрудников, требовал реорганизации. В город входили семь основных дорог. На ключевых местах построили семь стационарных КПМов и сформировали батальон, обслуживающий эти посты. Появились новые командные должности: командир батальона, три заместителя (по службе, по работе с личным составом, по транспортно-хозяйственной части), начальник КПМ и заместитель начальника КПМ.

Кроме батальона сформировали две роты, в каждой из которых было от двух до трех взводов, а в последующие годы довели число рот до четырех. Появились должности: командир роты, заместитель по службе, заместитель по работе с личным составом (куда ж от замполитов денешься?) и заместитель по транспортно-хозяйственной части. И еще одна должность – заместитель командира взвода. Офицерская!

Командиром роты, в которой оказался взвод Яреева, был назначен омовец, преподававший ранее рукопашный бой. Гришка Цапов тут же продал ему с огромной скидкой свой личный автомобиль (старенькую «Мазду»), и неожиданно для всех оказался назначенным на должность заместителя командира взвода.

Николай Васильевич, заполучив такого предприимчивого заместителя, от огорчения матерился в кабинете часа три без перерыва, поскольку почему-то совсем не любил Гришку. Но деваться было некуда, и Цапов получил звание младшего лейтенанта милиции, так как уже три года учился на юриста в каком-то новом институте, располагавшемся в здании, ранее бывшем химчисткой. Но назначение Цапова было еще не самым плохим событием.

Оказалось, что ротное руководство имеет личные автомобили. И канистры замелькали по всему подразделению. А как насчет колбасы? Есть хочется всем, а работать не хочется никому. Да и Уголовный Кодекс стал казаться не такой уж страшной штукой, если есть деньги. И понеслось!

* * *

Начальник Управления внутренних дел города вызвал к себе полковника Дудинцова и показал тому развернутое письмо жителей одного из городских районов, опубликованное в местной газете. В нем люди жаловались на доблестных сотрудников полка ДПС. Суть жалобы сводилась к тому, что каждую среду в одном из парков, расположенных вдоль реки, милиционеры устраивают попойки, сопровождаемые воплями, хоромым пением и громко играющими магнитофонами. Мало того – инспекторы разбрасывают по кустам бутылки, банки, коробки

из-под пиццы и даже презервативы. Выходило, что несчастным детям и бабушкам стало негде гулять.

Начальником УВД города был вьедливый и хитрый полковник Горчаков. В описываемое время полк ДПС находился в его оперативном подчинении, в связи с чем он имел право задавать вопросы и требовать на них ответы.

Потому и спросил:

– Что вы на это скажете, Павел Григорьевич?

Командир полка сделал удивленное лицо и ответил:

– Чепуха какая-то. Не может такого быть!

– Может, съездим сейчас и посмотрим?

Дело происходило утром, и день средой не являлся, поэтому Дудинцов без всякой задней мысли согласился:

– Всегда готов.

– Ну, вот и ладно. Возьмем с собой моих замов, чтобы быстрее обследовать наибольшую территорию.

Замов насобиралось целых шесть. Потому поехали на двух машинах. Проезжая по узким дорожкам парка, Горчаков показывал Дудинцову торчавшие из-под кустов горлышки бутылок и валявшиеся банки.

– И заметьте, Павел Григорьевич, – говорил он, – чем глубже мы забираемся, тем мусора становится больше.

– Но это же не значит, что насорили именно мои подчиненные! Мало ли кто сюда ходит, – оправдывался командир полка.

– Ну-ну, – ехидно улыбался начальник УВД города.

Спустя несколько минут обе машины выехали на маленькую полянку. Она заканчивалась бетонным парапетом, за которым шумели желтые воды широкой реки. Глазам начальства представился идиллический пейзаж, включавший в себя чистое весеннее небо, яркое утреннее солнце и двух инспекторов ДПС в форменной одежде, мирно расположившихся на парапете.

Между ними на ровной бетонной поверхности была расстелена газета, на которой лежали нарезанные ломтиками хлеб с колбасой, и стояла банка майонеза, соседствовавшая с двумя стаканами и початой бутылкой водки. Парочка милиционеров мирно беседовала, не обращая никакого внимания на подъехавшие автомобили. Чуть в стороне, ближе к кустам, стояли две машины, принадлежавшие утренним пьяницам.

– Вот видите, Павел Григорьевич, – радостно сказал Горчаков, – граждане правы. А эти двое засранцев, скорее всего, отработали в ночную смену. А на нас внимания не обращают только потому, что думают, будто подъехали такие же гаишные алкаши. Значит, место это постоянное, как и все остальные, где валяются бутылки!

Дудинцову крыть было нечем, поэтому он молчал.

Начальник УВД сказал:

– Пойдемте, прихлопнем их на месте.

Они вышли из машины и направились в сторону завтракавших инспекторов. За ними увязался весь остальной руководящий табун.

Утренними пьяницами оказались Кипятков с Дроздом. Они действительно работали ночью и решили перед сном слегка выпить. Кипятков закурил сигарету, бросил взгляд на поляну и, увидев толпу людей, сверкавших погонными звездами, поинтересовался у Дрозда:

- Ва-ва-ваня! Что ты за водку купил? Я уже бухой или мне мерещится?
- Водка как водка, – ответил Ваня, поворачивая голову направо.

Глаза у него тут же округлились, он вскочил и ловким секундным движением ноги отправил бутылку с водкой за парашют. Раздался громкий плеск. Оба инспектора вытянулись по стойке «смирно» и приготовились к получению того, что обычно прилетает в таких случаях.

– Какой ловкий инспектор, – сказал с сарказмом Горчаков, внимательно рассматривая Дрозда. – Вот бы он так преступников ловил!

Он взял красного от злости Дудинцова за локоть и продолжил:

- Надо их всех научить мусор за собой убирать. Я вам даю на это два дня. Чтобы парк стал чистым. Понятно?
- Так точно, – прохрипел Дудинцов. – Разрешите воспользоваться вашим автомобильным радиотелефоном?
- Пожалуйста, – голос Горчакова был слаще меда.

Он повернулся к двум находившимся в ступоре любителям завтраков на природе с целью как следует прополоскать им мозги, но сделать этого не смог. Дудинцов, добравшийся до радиотелефона, принялся так орать в трубку, что муэдзин адыгской мечети, расположенной на другом берегу реки, презрительно глядя в мегафон, посредством которого он созывал верующих на молитву, восхищенно закачал головой.

– Дежурка, мля?! – рычал Дудинцов. – Кто это? Карелов, мля?! Ты не мля? Да ты та еще мля! Я сейчас приеду, узнаешь, кто ты такой! Немедленно объявляю тревогу! Весь полк поднять на фиг! Куда поднять? Связь плохая? Я сейчас приеду, так тебе уши прочищу, что потом никакая связь уже не понадобится! Сбор через полтора часа! Понял? Вперед!

Швырнув трубку, командир обернулся к двум залетчикам и проорал:

- Чтобы быстрее меня были в полку!

Инспекторы бросились к своим машинам.

– Стоять! – вмешался Горчаков. – Вот с этого все и начинается. Жратву и стаканы кто убирать будет? Да и как можно бухими за руль садиться? Если милиционер, все позволено, что ли?

Дудинцов тяжелым взглядом смотрел в иезуитски спокойное лицо начальника УВД. Он вспомнил, что ему докладывали, как Горчаков по пятницам ездит к любовнице, живущей в одном из пригородных поселков. В целях конспирации полковник управлял дежурной машиной сам. А возвращался он под утро чуть ли не в коматозе. Останавливаясь возле каждого попавшегося на пути патруля, начальник УВД полоскал инспекторам мозги, рассказывая заплетающимся языком о том, как надо правильно работать.

Горчаков, интуитивно догадавшись, о чем думает командир полка, пожевал губами и решил:

– Ладно. Пусть едут. Только пусть сначала уберут за собой.

Через полтора часа на плацу выстроился весь полк, включая сдернутые с линии экипажи первой смены. Вдоль строя бегал дежурный по полку капитан Карелов. Это был мужичок маленького роста с массивной круглой головой, украшенной большими, перпендикулярно отстоящими от черепа ушами. На его сливообразном носу уверенно сидели очки в толстой роговой оправе. Карелов являлся заядлым коммунистом, и хотя КПСС не существовала уже несколько лет, постоянно носил в кармане партбилет. На всякие шуточки в свой адрес всегда отвечал так:

– Погодите, вот наши к власти вернуться, все попляшете тогда!

При сдаче оружия брал мелкими купюрами. Если кто-либо не соизволил положить в пистолетную колодку денежку, тут же вытаскивал оружие из приемного окошка и кричал, что пистолет грязный. В спорах Карелов был диалектически подкован. Например, тот, кто пожадничал, говорил:

– Как тебе не стыдно, Федорыч? Ты же коммунист!

В окошке появлялся очкастый фас Карелова (дальше уши не пролезали), и слышался его колючий голос:

– Нашел, что сравнивать. Где коммунизм, а где чистка оружия? Ты задницу с пальцем не путай.

– А за что ж ты деньги берешь?

– За работу! Я сам за тебя почищу.

– Так пистолет же чистый!

– На, очки мои надень, увидишь тогда, какой он чистый...

И все это сопровождалось клубами едкого сизого дыма от папирос «Беломорканал», которые Карелов смолил одну за другой. Пачки с этим термоядерным продуктом валялись по всей дежурке. Как-то раз Ваня Дрозд, сидевший там по залету, забил одну из папирос гашишем, прикарманенным при сдаче в райотдел очередного пойманного наркомана. Дрозд положил пачку на видное место и нафаршированную папиросину слегка выдвинул наружу, чтоб сама в руки просилась. Карелов вытянул ее и закурил. После пары хороших затяжек он достал папиросу изо рта, осмотрел внимательно и заявил:

– Странный вкус. Это не ленинградская фабрика!

Потом сделал еще две тяги, выбросил окурочек в форточку и громко сказал неожиданно густым басом:

– Гомосеки!

После чего завалился спать. С утра его долго не могли добудиться, а Ваня, захлебываясь от смеха, рассказывал, что по всем признакам, Карелов – законченный торчок.

В день объявленной командиром тревоги Карелов был на смене и потому скрупулезно выполнял поставленную перед ним задачу. Он запихнул в строй всех, кто попался под руку, даже старшину дядю Сашу, пытавшегося с метлой в руках прорваться через плац. Теперь его метла, задранная метушей частью вверх, гордо реяла над каре, напоминая то ли опознаватель-

ный знак одного из римских легионов, то ли поповскую хоругвь. Когда перед строем появилось командование полка, Карелов доложил, что приказ им выполнен.

Рядом с Дудинцовым стояли Хмара и подполковник Юрий Семенович Буханкин, являвшийся заместителем командира полка по хозяйственной части.

Дудинцов, недовольно покрутив носом, тихо сказал Буханкину:

– Семеныч, ты хоть на меня не дыши. Опять уже где-то с утра наакался!

Тот ответил:

– Не где-то, а у себя в кабинете. Но у меня там все чисто. Я за собой всегда убираю.

Посмотрев на строй, Буханкин выругался, подошел к каре, вытащил оттуда дядю Сашу и отправил его заниматься своими делами. Хмара тем временем извлек из того же строя двух залетчиков и поставил их лицом к своим сослуживцам.

Командир, убедившись, что все готово к торжественной речи, раскрыл рот пошире и принялся вдохновенно орать:

– Вы сегодня собрались здесь не столько из-за этих двух остолопов, сколько из-за самих себя! Если б вы убирали за собой дерьмо, что валяется в парке, этого построения никогда бы не случилось! Мне дали два дня, чтобы навести там порядок. Но я всегда питал уважение к стахановским методам работы! Поэтому сегодня стахановцами будете вы! Пока не уберете весь парк, фиг куда уйдете! Принимать работу буду лично! А этих двух негодяев определить в ремонтную зону! Пусть гайки крутят. До обеда. А после обеда – к старшине! Плац мести! На три месяца! Надо ж было так меня подставить...

Дудинцов развернулся и усталой походной направился к штабу. Хмара отдал приказ:

– Командирам рот поделить территорию и приступить к уборке парка!

Потом он подошел к двум залетчикам и спокойным голосом заявил:

– Вот это вы вляпались! Я думал, будильник – верх вашего идиотизма. Оказалось – я вас недооценил. Интересно, а что вы выкинете в следующий раз? Оформите за «газ» начальника УВД города?

Хмара задумался, а у Дрозда рот растянулся в улыбке. Видимо, он представил себе нарисованную Хмарой картину.

Николай Анатольевич встрепенулся и сказал:

– Если вы думаете, что в пьяном царстве подполковника Буханкина вам будет весело крутить гайки и махать метлой, то сильно заблуждаетесь. Не дай бог поймаю вас нетрезвыми! Уволю в пять минут. Запомнили? Смотрите, проверять буду каждый день!

Капитан развернулся и пошел к своей служебной неприметной шестерке бежевого цвета. Кипятков переглянулся с Дроздом и облегченно вздохнул:

– Фу, некисло отделились. Я думал, будет хуже.

– Ну что, пойдем принимать инвентарь? – спросил Ваня и довольно рассмеялся.

Они неторопливо направились к воротам ремзоны, где их уже поджидал с улыбкой на губах святой человек полкового масштаба – Юрий Семенович Буханкин...

Ну, а горожане в этот день сильно удивились, когда увидели, что один из парков просто кишит специалистами по уборке мусора, одетыми почему-то в гаишную форму. Зато к вечеру природа просто засияла своей натуральной красотой.

4

Старшина Гарколин со старшим сержантом Яреевым гнали вражеский автомобиль «Мицубиси». Сцепление на патрульной пятерке нещадно буксовало, и потому Генка матерился без конца и винил во всем этом безобразии своего напарника.

– Говорил я тебе еще на прошлой неделе, – кричал он Ярееву, – давай загоним машину к армянам! Вот что теперь делать?! Отрывается, гад! После каждого поворота уходит вперед!

Яреев рассудительно оправдывался:

– Пошел ты в свою заготконтору, в которой до милиции дачников нахлобучивал! Усиление в связи с войной в Чечне идет второй месяц. Работаем по двенадцать часов семь-восемь дней в неделю с одним выходным! А какой он выходной? Скорее – отсыпной. Когда машину делать? Приезжаешь со смены – подведение итогов! Мозги полоскают неустанно. Пока домой доберешься – все шестнадцать часов выходит. А спать когда? В гробу?! А тут еще эта машина... Смотри, стопари зажглись! Там поворот!

– Эх, уйдет, гад! Чувствую – угонщик! – кричал Генка.

Эфир неожиданно разразился информацией. В городе вводился оперативный план «Перехват». Был угнан именно «Мицубиси» и номерной знак соответствовал знаку преследуемой экипажем машины. Всем патрулям приказывалось занять места согласно штатной расстановке. Гарколину с Яреевым тоже.

Яреев сообщил, что они преследуют угнанный автомобиль. Сухой голос Карелова заявил: – Принял вас. Занимайте место согласно плану.

Яреев, матерно выругавшись, ответил:

– Кавказ ноль-два четыреста пятьдесят пятому. Повторяю. Преследую угнанный автомобиль. Двигаемся в направлении поселка Полевого, который находится в соседнем с городом районе.

Карелов нудно ответил:

– Понял. Возвращайтесь на свое место согласно утвержденному плану.

Яреев, смеясь, посмотрел на Генку. Тот, крутя баранку, констатировал:

– Не всех коммунистов еще капитализм убил. Выключи ты этого придурка, ей-богу!

Яреев ответил:

– Не надо. От города мы отъехали на приличное расстояние. Сейчас связь и так сдохнет.

Он оказался прав. Радиостанция замолчала, и преследование продолжилось под рев сирены, дико звучащей в ночных полях.

– Да выруби ты ее! – попросил Генка. – Все равно – только ворон пугаем.

Сергей выключил громкоговоритель, и наступила относительная тишина. Мотор ревел, сцепление буксовало, а над полями сверкали красно-синие всполохи, производимые работающими маячками патрульного автомобиля. Преследование продолжалось.

В эту ночь дул сильный ветер и деревья в лесопосадках шатались, как пьяные хулиганы перед дверями вырезвителя. На дорогу падали листья и ветки. Угонщик, наверное, не мог привыкнуть к новому для него автомобилю и потому на поворотах узкой и кривой двухполосной дороги допускал ошибки в управлении. Это позволяло опытному Гарколину кратковременно приближаться к нему на достаточно близкое расстояние.

Угонщик на поворотах вынужден был гасить скорость, так как машину выдавливало с дороги в кювет, зато на прямых участках он нажимал на акселератор и отрывался от инспекторов благодаря мощному двигателю.

Яреев без какой-либо преамбулы достал из кобуры пистолет, дослал патрон в патронник и приготовил оружие к стрельбе.

Гарколин не обратил на это само собой разумеющееся действие никакого внимания, так как был уверен, что напарник никогда не навредит ему самому. Ярееву же предстояло дожидаться нужного момента.

Это был уже шестой случай в его жизни и потому он сильно не волновался. Все опытные инспекторы знали: пистолет Макарова – простой, надежный и хороший товарищ, но он совсем не предназначен для стрельбы по удиравшим машинам! Прицельная дальность стрельбы у него – всего двадцать метров. Этот критерий обеспечивает достаточную точность. Свыше пятидесяти метров – игра в рулетку. Тем более в движении. А подобраться к удиравшему угонщику пока не удавалось.

Только в кино показывают, как милиционер вылезает из окна патрульки, долго и картинно целится, стреляет один раз и сразу поражает колесо вражеской машины, отчего та немедленно вылетает в кювет и даже иногда взрывается. Такого в жизни не бывает. Целиться, разглядывая в темноте мушку прицела, невозможно, так как ее просто не видно. И даже маячки синекрасного цвета ничуть не помогают, потому что мигают нереально гротескно в пустом поле, превращая погоню в некое подобие клоунады. Да и времени целиться нет. Каждая секунда дорога. Пока будешь целиться, угонщик оторвется на расстояние в сто метров и тогда любая стрельба станет бесполезной.

Яреев терпеливо ждал. Он подсказывал Генке, куда направился угонщик, какие дорожные знаки мелькали мимо, и тому подобные вещи. По сути, он являлся штурманом, подчиняясь системе, отработанной за много лет до появления его в ней.

Каждый инспектор помнил правило, родившееся, наверное, задолго до появления ГАИ. Звучало оно так: «Догонять – не убегать». Догоняющему всегда легче. Он смотрит на убегающего и повторяет его маневры, избегая ошибок. А вот убегающий кроме дорожной обстановки должен занимать свой мозг еще и поиском путей отхода, что существенно его дезорганизует, учитывая интенсивность нервной встряски.

Яреев щелкнул замком своей двери, чтобы она ненароком не открылась в момент стрельбы. Гарколин напомнил на всякий случай:

- Ты ж про первую пулю не забудь.
- Спасибо, помню, – кивнул головой Яреев.

Дело было в том, что любой милиционер перед использованием оружия должен был сделать предупредительный выстрел в воздух, типа – преступник тут же раскается от страха и сдастся властям. Если потом, после задержания, эксперты найдут первую пулю где-нибудь в колесе (а она не имеет нагара, потому что ствол оружия чистый), использование оружия будет признано неправомерным. А это уже компетенция прокуратуры, где расценки совсем другие, нежели на дороге.

Генка выжимал из машины все, что мог. Он говорил:

– Ну, родная, еще немножко, и мы возьмем этого кондома. Потрудись, славная, ей-богу, сделаем тебя, шептать будешь!

При очередном повороте на заднем сидении что-то звякнуло. Это проявили себя шесть бутылок сухого вина, отжатые Гарколиным у какого-то торгаша до начала погони.

– Эй! – воскликнул Яреев. – Полегче на поворотах!

Гарколин тут же откликнулся:

– Я тебе что делаю? Угонщика гоню или бутылками занимаюсь?

– А ты делай все профессионально, то есть аккуратно.

– Пошел ты в свою стеклорезку гвоздями зеркала корябать! – ответил Генка. – За хвостом японца лучше смотри. Сейчас будет обалденный поворот, приблизительно – на сто тридцать градусов. Я эту дорогу знаю, пацаном еще здесь на мопеде гонял. Возможно, достанем.

Угонщик вошел в поворот так, что «Мицубиси» чуть не выбросило в поле. Преступник был вынужден резко сбросить скорость, чтобы не убиться самому. Неожиданно заработала связь.

– Где вы, где вы, четыреста пятьдесят пятый?! – полоумно орал Карелов.

– На связи, – ответил Яреев, заметив мелькнувший указатель. – Входим в поселок Полевой.

– К вам на помощь идут четыре наших экипажа, – вопил Карелов, которому, видно, уже вставили нужное количество необходимых антиидиотских противоядий. – У периферийных служб есть один патруль в этом районе, но он находится в двадцати километрах справа от вас. Выдвинулся к вам. Когда доедет – неизвестно!

– Спасибо, – поблагодарил Яреев.

Связь пропала так же неожиданно, как и появилась. Тем временем Генка ловко прошел опасный поворот и приблизился к преследуемой машине метров на сто. Оба автомобиля на чудовищной скорости друг за другом влетели в поселок. Глазам инспекторов представилась большая площадь, посреди которой стоял милицейский УАЗик. Трое пэпсов с гаишными жезлами в руках охраняли порядок, страстно желая кого-нибудь остановить. Они, застыв в ступоре, смотрели в сторону приближавшихся возмутителей спокойствия.

Яреев включил матюгальник и заорал в микрофон:

– Стоять, сволочь! Буду стрелять!

И здесь дорогу «Мицубиси» преградила упавшая огромная ветка, отломанная у тополя ветром. Угонщик, объезжая ее, резко затормозил и принял вправо.

Яреев крикнул:
– Шанс!

Он в секунду опустил стекло, вылез из патрульки по пояс и молниеносным движением снял пистолет с предохранителя. Пэпсы, ошарашенные столь неожиданной в сельской местности картиной, повалились на асфальт, а один из них даже закатился под УАЗик.

Угонщик, объехав ветку, дал «газу». В этот момент между казаками-разбойниками расстояние не превышало пятидесяти метров. Яреев, выстрелив в воздух, опустил пистолет и быстро выпустил пять пуль в сторону заднего левого колеса «Мицубиси», после чего залез в патрульку.

– Вот черт, – сказал он. – Промазал!

Гарколин ничего на это не ответил. Он знал, что Серега стрелял прекрасно и даже одно время был в сборной команде полка по стрельбе. Непопадание в данной ситуации было простым рабочим моментом.

Через пять минут представилась следующая возможность для стрельбы, и Яреев послал еще две пули. На этот раз преследование происходило по гравийным улицам спящего поселка, и потому патрульку трясло как телегу. Яреев заменил обойму.

Генка сообщил:
– Эта сволочь нас кругами водит. Мы уже проезжали здесь. Смотри, он может опять выехать на площадь и наступить на те же грабли. Я имею в виду лежащую на дороге ветку.

Так и получилось. Они снова вылетели на площадь и застали ту же картину, что и ранее. Трое пэпсов стояли рядом с УАЗиком и страстно желали кого-либо остановить. Только в этот раз, увидев выскочившие из-за поворота машины, милиционеры сразу же грохнулись на асфальт и закатились под УАЗик уже троим.

Угонщик опять чуть не врубился в ветку, и Яреев от души выпалил все восемь патронов по колесам «Мицубиси». Преступник решил выбраться из поселка. Он увеличил скорость. Яреев, приглядевшись, заметил:

– В этот раз попал. Левое заднее колесо спускает.
– Это все фигня, – сказал Генка. – Автомобиль у него переднеприводный. Может ехать и на пустом заднем колесе. Правда – медленно.
– Значит, надо прострелить еще и переднее, – решил Яреев. – Ну-ка, дай мне свою запасную обойму!
– Я тебе что, угонщика гоню, или на диване сижу?! – возмутился Генка. – Сам возьми!

Яреев запустил руку в кобуру Гарколина, выудил оттуда запасной магазин и перезарядил свой пистолет.

Обстановка за эти несколько минут резко изменилась. Преступник, сообразив, что заднее левое колесо пусто, снизил скорость и теперь вилял по двухполосной дороге, не давая его

обойти и зажать. Яреев выбрал момент, когда тот менял направление движения, и быстро вцепил четыре пули в левое переднее колесо. С гордым видом откинувшись на спинку сиденья, он сказал Гарколину:

– Учись, сынок, пока я жив!

– Ты сначала научись баранку крутить, – усмехнувшись, ответил Генка. – Стрелять все горазды, потому что дурацкое дело нехитрое.

Где-то позади послышался рев нескольких сирен. Помощь была близка. Угонщик наконец резко затормозил на встречной полосе, выскочил из машины и сиганул в кювет. Яреев на ходу выпрыгнул туда же. Он удачно приземлился на обе ноги, тут же споткнулся и зарылся носом в щебенку, которой были отсыпаны все обочины на юге России (в отличие от дорог средней полосы, где любая обочина ассоциируется с выражением «грязь по колено»).

Причина была в туфлях. Их выдали месяц назад. Неизвестно, из кожи какого резинового животного они были сшиты, но за это короткое время разносились так, что превратились в домашние шлепанцы. В прыжке одна туфля улетела догонять угонщика, а вторая встала на ребро во время приземления.

Мимо лежавшего на обочине Яреева кто-то прошкандыбал в такой же обуви и стало ясно, что это Генка устремился на поиски преступника. Яреев, пытаясь помочь напарнику, встал на ноги и собрался было пробежаться по гравию в носках, но через несколько секунд передумал. Он застыл на месте и принялся виртуозно материться. Через две минуты вернулся Гарколин, который сообщил:

– Там река. Метров двадцать шириной. Весь берег в камыше. Эта скотина булькнула в воду – и все. Переплыл, наверное, на ту сторону. А я что, в водолазы записывался, что ли? Кстати, зачем ты стоишь раскоряченным, как корова после случки?

– Сам ты корова, – ответил Яреев. – Ты б лучше туфли мои поискал. Мало того, что морду о камни ободрал, еще не хватало ноги порезать!

Генка сходил в патрульку и вернулся с фонариком. Спустя пять минут туфли были найдены. Яреев обулся и разрядил пистолет. Магазин он вернул Гарколину, а оставшиеся четыре патрона сунул себе в карман.

– Напишу в рапорте, что выстрелил двадцать четыре. Мало ли, где эти пригодятся, – сказал он.

Во время детального осмотра задержанной машины выяснилось: прострелены два левых колеса и один из задних амортизаторов. Несколько пуль торчали в бампере и левом заднем крыле. Так что мазилой Яреева назвать было нельзя.

Подъехавшие на помощь экипажи ринулись искать дамбу, чтобы попасть на другой берег реки. Связь работала, хотя и с перебоями. Прибыл лейтенант Цапов, который в эту ночь был ответственным по роте.

Он радостно пожал руки Сереге с Генкой и сказал:

– Молодцы! Утром наш взвод будет в шоколаде! А что угонщик смылся, ну и черт с ним. Сейчас криминалисты приедут, снимут отпечатки и все будет нормально. Никуда он не денется! Тем более, что уже даже фамилия его известна!

Из рассказа Цапова выяснилось – хозяин и угонщик знакомы. Кто-то кому-то денег был должен. Они встретились у ночного магазина, мило побеседовали, после чего угонщик, дав по голове хозяину машины кастетом, забрал ключи, сел за руль и уехал. Получился чистой воды разбой.

Яреев предложил:

– Это дело надо отметить. Убитых и раненых нет – значит, на медэкспертизу нас не потащат. Гена, доставай вино, если благодаря тебе бутылки не кокнулись.

Цапов пить отказался, потому что был карьеристом и этого факта ни от кого не скрывал, а наоборот – ставил себе в заслугу. Ну а инспекторам предстояло остаток ночи посвятить бумагомаранию, чему алкоголь совсем не мешал, так как рапорты можно писать и в нетрезвом состоянии. Красноречивее будут.

Пока ждали группу из райотдела, выпили две бутылки сухого красного. Криминалист, которого привезли из города на УАЗике, долго снимал отпечатки пальцев. У старшего опергруппы нашлась бутылка водки и пара моченых яблок. Когда эксперт закончил свое нудное дело, вся опергруппа, включая водителя УАЗика, была уже «нагазирована» самым развеселым образом. Криминалист еле успел к распитию последней бутылки вина. Когда пить стало нечего, опергруппа уехала, но какой-то экипаж привез владельца задержанного автомобиля.

Им оказался азербайджанец средних лет. Голова его была тщательно забинтована, и лишь горбатый длинный нос, оставаясь свободным, торчал из белого шара, как ствол пушки из корабельной орудийной башни. Гарколин с Яреевым тут же закатились смехом, а Цапов смеяться не стал. Он занялся делом.

Подойдя к азербайджанцу, который горестно ахал, разглядывая расстрелянный автомобиль, Гришка сказал:

– Что ты ноешь, уважаемый? Ребят лучше отблагодари! Гонялись ведь за твоим имуществом, жизнью рисковали!

– Вай, денег сейчас нету, – сокрушался хозяин машины, почему-то показывая рукой на свою забинтованную голову. – Вай, через три дня отблагодарю.

– Хорошо, – сказал Гришка. – Открой-ка багажник.

Азербайджанец выполнил команду. Цапов вытащил из багажника запасную покрышку, надетую на дорогой литой диск, положил ее в свою патрульку и заявил:

– Вот через три дня меня найдешь, привезешь благодарность, тогда и получишь запаску обратно.

– А как же я поеду? – оторопел азербайджанец.

– Даже если ты колесо поменяешь, – говорил Гришка, отряхивая руки, – все равно никуда не уедешь. Запаска одна, а прострелены два колеса. Не переживай. Я уже вызвал специальную тележку с лебедкой. Человек загрузит, отвезет куда надо, а ты ему денег за это дашь.

Владелец машины тяжело вздохнул и отошел в сторону.

Гарколин сказал:

– Да, Гриша. Способный ты. Все у тебя схвачено. Еще, наверное, с владельца тележки проценты поимеешь?

– А ты как хотел? – ответил Цапов. – Надо не ржать по пустякам, а работать. И все у тебя будет!

Через три дня Цапов подошел к Ярееву и отдал тому сто долларов. Сергей спросил:

– Это азербайджанец?

– Да. Еле выдушил у этого жмота.

– Ну, спасибо. А ты себе хоть что-нибудь оставил?

– Все нормально, – ответил Гришка, – за меня не переживай: – и усмехнулся снисходительно.

5

Уже две недели Яреев нес службу без патронов, а у Гарколина их было всего восемь штук вместо шестнадцати. Проводилась служебная проверка по поводу законности использования оружия. Сколько она будет длиться – никто не знал. Времена были беспокойными и без патронов Сергей чувствовал себя как-то неловко. Благо, хоть четыре штуки удалось сохранить. Поэтому он решил напомнить руководству о своей невооруженности.

В один из дней они с Гарколиным шли через плац в актовЫй зал на развод, но пришлось резко изменить курс, так как прямо посреди плаца командир полка, размахивая кулаками, занимался воспитанием Жени Тягомотина, судьба которого на этой неделе вильнула в сторону черной полосы. Мало того, что он попался под руку Хмаре, так еще и совершенно случайно подставил Дудинцова.

Дело было в том, что уже несколько месяцев личному составу совсем не выдавали запчасти для патрульных автомобилей. А пару недель назад перестали перечислять деньги за бензин. Полк находился на финансовом балансе УВД города и обеспечивался всем необходимым именно из бухгалтерии этой организации.

Дудинцов позвонил заместителю начальника УВД города по тылу и заявил, что если денег на бензин не поступит, он прикажет поставить все патрульные автомобили в боксы и выгонит инспекторов на линию пешком.

Время было напряженное. Патрули работали в усиленном режиме в связи с войной, которая шла в Чечне. Перекрывались все объездные пути и пешим инспекторам в полях (особенно по ночам) делать было нечего, потому что на своих двоих никоим образом не получится угнаться не то что за террористом, но даже за рядовым бухарем.

Полковник Горчаков тут же вызвал командира полка к себе. Дудинцов хотел выехать, но его служебная восьмерка сломалась. Машину загнали в ремзону, а полковник взял в дежурке запасные ключи от одного из патрульных автомобилей, стоявших на плацу. Как назло, патрулька была закреплена за Тягомотиным. Сначала беду ничто не предвещало, потому что командир нормально доехал до УВД. Но потом случился самый свинский косяк.

Горчакова тем временем вызвали к генералу в главк, и он встретил Дудинцова перед въездом в УВД. Времени у него было достаточно, потому беседа между двумя полковниками протекала на свежем воздухе. Облокотившись на крыло патрульного автомобиля, Горчаков говорил:

– Вы, Павел Григорьевич, не нервничайте. Денег на балансе УВД города – кот наплакал. А работать все равно придется. Если, не дай бог, в городе что-нибудь взорвется, в первую очередь погони слетят с ваших плеч, товарищ полковник. Потому что именно ваши сотрудники стоят на переднем крае. А взрывчатку на ишаках не возят. Ее, впрочем, как и оружие, доставляют в машинах. Да даже если б и на ишаках! Подумаешь, бензина нет. К вам в полк как не заедешь, по всей территории инспекторы с канистрами шныряют. Они что, за свой счет их заправляют? Расскажите мне, как же! Вон, по всем выездным улицам бензовозы стоят. Они что, бензином торгуют без нарушений? В строго определенных местах? А кто эти места определил? И вся эта торговля осуществляется на маршрутах, которые контролируют ваши инспекторы!

Дудинцов, разглядывая вмятину округлой формы на капоте патрульки, думал о том, что, скорее всего, она появилась от контакта со лбом какого-либо буйного нарушителя, которого инспекторы приложили, как следует, головой, пока надевали ему наручники. Решив позже разобраться с этим делом, он вернулся к действительности и вспомнил, что бензовозами занимается муниципальный отдел ГАИ города, также как и полк, подчиненный Горчакову. Разрешения на торговлю бензином с бензовозов подписаны были начальником городского ГАИ, и формально с законностью было все в порядке. Но стоило только полковому инспектору ДПС составить протокол за какое-нибудь пустяковое нарушение на торговца бензином, как тут же поднялся несусветный крик, и командиру полка приходилось ругаться со своими коллегами из ГАИ города.

– Вот пусть ваши инспекторы вместо канистр заливают бензин в патрульные автомобили, – закончил Горчаков.

Взгляд его упал на пыльную автомобильную аптечку, лежавшую под задним стеклом патрульки. Губы Горчакова расплылись в противной улыбочке, и он сказал:

– Кстати, Павел Григорьевич, а покажите-ка мне, что сейчас входит в комплект аптечки. А то Минздрав придумывает всякие новые требования. Ну, а ваша служба – пример для водителей.

Дудинцов, не думая об ожидающей его подлости, достал аптечку, открыл ее – и просто остолбенел! В ней не было ни одной таблетки, ни одного лекарства. Даже бинта со жгутом не было. Зато присутствовал сиротливо болтавшийся в пустой коробке двухсотграммовый граненый стакан!

Улыбка на лице Горчакова стала шире, он взял стакан в руку, понюхал его и тут же скривился.

– Надо же, какая гадость! – воскликнул он, отдышавшись. – Что они у вас пьют?

Здесь нервы у командира полка не выдержали. Он грубо выдернул стакан из руки Горчакова, забросил его вместе с аптечкой на заднее сиденье патрульки и рявкнул:

– Разрешите идти?!

– Идите, – сверкнул подобревшими глазами Горчаков, потирая руку.

Размахивая кулаками перед носом застывшего в строевой стойке Тягомотина, Дудинцов орал:

– Зачем тебе нужен стакан?!

– Проверяю водителей на трезвость, – оправдывался Женя. – В нос мне дышать некультурно. Вот они и дышат в стакан, а я сразу нюхаю.

- Да он же проспиртован насквозь! Да кто туда дыхнет, тут же сам бухим станет!
- Так и выявляю, – тревожным голосом говорил Тягомotin.

Благополучно обойдя эту парочку, Гарколин с Яреевым юркнули в актовый зал, и это случилось вовремя, потому что за ними следом появился Хмара и развод начался.

- Николай Анатольевич уселся за трибуну, строго оглядел зал и поинтересовался:
- Тягомotin здесь?

- Кто-то из зала весело ответил:
- Его на плацу командир полка йодирует!

Хмара неопределенно взмахнул рукой и начал рассказывать:

– Вчера я ехал по одной из улиц в районе вещевого рынка. Остановился в парковочном кармане для того, чтобы купить бутылку воды в ларьке. Смотрю – впереди знак «Остановка запрещена». Перед ним стоит патрульный автомобиль, и никого в нем нет. Я решил понаблюдать. Через десять минут появился прапорщик Тягомotin с целой грудой снятых номерных знаков в руках. Свалил он их на пол внутрь патрульки, сам уселся за руль и стал заниматься выписыванием штрафов. Сразу же патрульный автомобиль окружила толпа водителей. Я тоже решил поучаствовать в этом захватывающем процессе, поэтому встал последним, будучи десятым по счету. Подходит моя очередь, я говорю номер от балды; инспектор, не глядя на меня, начинает рыться в куче и, естественно, ничего не находит. Он поднимает глаза, видит меня, подпрыгивает и чуть не ломает себе голову о крышу. Спрашивается: где подстраховка? Где осторожность? Где меры личной безопасности? Я в форме, стою в очереди десять минут, и никто меня не видит! А где второй инспектор? А он, видите ли, отловил передвижного торговца сушеной таранью и потащил сдавать его в рыночный опорный пункт. Что, не поделился? Пивка не с чем вечером попить?.. Далее, если правильно выписать штраф десяти водителям, на это уйдет не меньше часа. А они все были отпущены за десять минут! Причем я лично видел, как водители давали Тягомотину деньги. Значит, должны быть оторваны штрафные квитанции. Но у инспектора их нет и в помине. Есть несколько старых засаленных корешков. И все. В козырьке торчит пачка денег. Я спросил у Тягомотина: «Что это такое?». Он ответил: «Деньги». Я: «Чьи?», а он: «Русские!» И тут появляется работавший с ним инспектор Алмазов, а в руках у него сумка, набитая сушеной рыбой! Сдача барыги пэпээсникам удалась! Сейчас по двум этим сотрудникам проводится служебная проверка.

- В зал заскочил помощник дежурного и сказал Хмаре:
- Товарищ капитан, вас командир вызывает!

Хмара вышел, а из дверей вдруг вкусно пахнуло свежееупотребленным коньяком. В проеме возник подполковник Буханкин. Махнув рукой, чтобы никто не вставал, он сообщил:

– Ну, смотрите. Я сегодня ответственный по полку. Ни за кем не гоняйтесь. Соблюдайте правила и берегите себя. Чтобы все было тихо и спокойно. Желаю вам возвратиться по домам, как поется в известной песне: «Весь покрытый зеленью, абсолютно весь»... Встать, на приказ!

После отдачи приказа Гарколин с Яреевым подошли к Буханкину, мирно стоявшему рядом с аппаратом, наливающим всем желающим газированную воду без сиропа бесплатно. За этим агрегатом следил дядя Саша, заправлявший кислородные баллоны на соседнем заводе, который еще продолжал кое-как работать. Граненый стакан был привязан стальным тросиком

к аппарату, так как его раньше постоянно по ночам брали в боксы и забывали возвращать. Передняя стенка аппарата пестрела различными надписями, самыми культурными из которых были слова: «Реанимация» и «Халява».

Буханкин, сунув руки в карманы, курил сигарету «Кент» и добродушно смотрел на подошедших к нему инспекторов. Гарколин спросил у него:

– Семеныч, когда мне патроны выдадут?

Буханкин перевел взгляд с Гарколина на Яреева и, не вытаскивая сигарету изо рта, поинтересовался у Сергея:

– И тебе тоже выдать?

– Конечно, – обрадовался Яреев добродушному тону подполковника.

Буханкин точным плевком отправил недокуренную сигарету в стоявшую рядом урну, ковбойским движением выхватил из карманов руки и сунул их к носам инспекторов.

– Вот вам патроны! – радостно вскричал он. – Разрывные!

Генка с Серегой увидели перед своими лицами два мощных мозолистых кукиша.

– Еще? – поинтересовался Буханкин.

Гарколин сказал:

– Юрий Семеныч, так дело не пойдет. Случись, не дай бог что, чем отстреливаться?

Буханкин убрал дули, закурил новую сигарету и сообщил:

– Сделай себе рогатку. Жгут возьмешь у Тягомотина в аптечке... И вообще, я тут при чем? Служебная проверка еще не закончилась. Идите к Хмаре.

– Так она что, год длиться будет?

– Чем дольше, тем лучше, – сказал Буханкин. – Меньше стрелять будете.

– Это что же такое получается? – возмутился Яреев. – А в Чечне как? Пострелял из окопа и что? Год ждать, пока патроны подвезут?

– Ты хрен с полосатым жезлом не путай, – посоветовал Семенович.

– А вдруг сегодня придется последние восемь патронов выстрелить?

– Я вам выстрелю! – обиделся Буханкин. – Тогда вообще все запутается!

Гарколин остался дальше мирно ругаться с Семеновичем, а Яреев плюнул на всю эту бюрократию и отправился в ротную канцелярию посмотреть наряд. Но этого ему сделать не удалось. В коридоре торчал Ваня Дрозд, находящийся в состоянии легкой эйфории.

За закрытой дверью раздавались хоровые вопли ротного руководства. Кого-то там воспитывали не на шутку. Прислушавшись, Яреев уловил отдельные реплики, сводившиеся к одному вопросу.

Звучали они так:

– Тебе что, денег не хватает?!

– Ты совсем нюх потерял?!

– Мало ты крадешь?!

– Я тебе устрою чаепитие!

Ваня поздоровался с Сергеем, отвел его подальше от кабинета и рассказал, что ждет Кипяткова. Это именно на него орал в канцелярии.

Оказалось – Костю достали посторонние рты, и он решил проучить тех, кто сам не желая рисковать, обдирал личный состав как липку. Они с Ваней работали в первую смену и с утра получили ряд указаний. Один из замов командира роты потребовал от Кипяткова привезти в канцелярию чая и сахара, а второй захотел получить от Дрозда бензина. Ваня не стал брать его канистру, заявив, что у него есть своя.

После окончания службы Кипятков сбегал в ближайший ларек и купил там разовый пакетик чая на одну кружку и крохотный кусочек сахара. Все это богатство он положил в стол тому начальнику, который его напряг. Они с Ваней уже готовы были смыться, но издевательство обнаружилось, и теперь Кипятков получал на полную катушку.

– А бензина привезли? – спросил Яреев, смеясь.

– А как же! – давась смехом, ответил Ваня. – Он же не спросил, какой емкости у меня канистра? А она у меня из-под машинного масла! Литровая! Га-га-га! Я туда литр и залил, и в багажник его машины уже положил! Вот обрадуется, когда увидит, гы-гы-гы!

Яреев понял, что в кабинете ему сейчас делать нечего. Поэтому, находясь в прекрасном расположении духа, он нашел Гарколина, и они выехали на маршрут.

Смена продолжилась так же, как и началась. То есть весело.

Гарколин за незначительное превышение скорости остановил черный «Мерседес» с адыгейскими номерами. С документами у водителя все было в порядке, но Генку поразило количество людей, указанных в доверенности. Там было ровно тридцать фамилий. Увидев, что Гарколин застыл на месте и тупо пялится в бумагу, Яреев подошел, заглянул туда же и пояснил:

– Да это же новые черкесские понты. Что, не видал еще такого? Они в ауле всей улицей купили «Мерседес» в складчину. Участники покупки вписались в доверенность, и теперь ездят по очереди. Сегодня восемнадцатое число. Найди фамилию под этим номером и узнаешь, чья сейчас очередь за рулем находится.

Генка, вняв совету, взглянул на водителя и спросил?

– Пшимаф Блягоз?

– Я самый, – утвердительно кивнул головой водитель.

– И куда едешь?

– В бар «Три туза».

– Штраф тебе в кассу выписать или по квитанции на месте заплатишь?

– Какой там, на месте! – опять вмешался Яреев. – Ему денег еле хватило на одну тридцатую часть машины! На оставшиеся копейки он купит в баре чашку кофе и будет пить ее три часа, растопырив пальцы и поглядывая постоянно на «Мерса», чтоб, не дай бог, не угнали. Я это ведро уже останавливал, только с другим водителем. Тот у меня с временным разрешением тоже уехал. Иди, пиши протокол, не теряй времени.

– Да, я на месте штрафы не плачу, – подтвердил Аслан.

– Почему? – спросил Генка.

Адыг ответил стандартно:

– У меня дядя – начальник районного ГАИ. Он сам мне права принесет.

Пока Гарколин марал бумагу, Пшимаф что-то весело насвистывал себе под нос. Яреев поинтересовался у него:

– Слушай, а как же вы машину в феврале делить будете? Вас тридцать человек, а дней – двадцать восемь.

– Э-э-э! – удивился непонятливости инспектора Блягоз. – Есть еще семь месяцев по тридцати одному дню. Да и мало ли кто заболит или куда по делам уедет? Все будет реально капитально!

Получив временное разрешение, адыг уехал понтоваться, а Яреев подал сигнал об остановке несшейся по шоссе с превышением скорости семерке «Жигулей». Машина пронеслась дальше, так как ее водителя, по всей видимости, не интересовали никакие посторонние жесты и сигналы. Сергей запрыгнул в патрульку и Гарколин начал преследование.

Через несколько минут опытный Генка уже подобрался к вражескому автомобилю на близкое расстояние. Патрульная пятерка вела себя хорошо, благо азербайджанский зеленый стольник сильно помог в ремонте сцепления. Стало заметно, что в удравшей машине кроме водителя на переднем правом сидении находится пассажир.

Нарушитель очень хотел убежать от гаишников и потому лихо вкладывал свой автомобиль в повороты и скакал на нем по кочкам, как обожравшийся окурками козел.

Генка злился и орал:

– Вот скотина! Патрульку угробим! Надо же, в дачи нас завел! Тут не дорога, а стиральная доска!

Яреев мстительно сжимал губы и вспоминал рельефные дули Буханкина. Вдруг он достал пистолет, вынул пустую обойму и сказал:

– Гена, а ну, дай-ка мне твою рогатку подержать.

– Протокол тебе во всю харю! – ответил Гарколин. – Расстрелялся тут. Посмотри, какие кочкари. Рука дернется – и триндец пассажиру! Да еще из моего ствола!

– Не переживай ты так, – Сергей опустил кнопку на двери, блокируя дверь. – Я только магазин у тебя возьму. Сидим ведь на хвосте. Расстояние не более тридцати метров. Долго он куролесить здесь не будет. Все равно выедет на нормальную дорогу.

Вот там я его и накрою.

Гарколин молча открыл кобуру и швырнул пистолет Ярееву на колени. Сергей быстро вытащил обойму, вернул ствол обратно Генке и зарядил свое оружие. Передернув затвор, он стал терпеливо ждать. Спустя пять минут водитель догоняемой семерки понял, что в дачах от прилипчивых инспекторов оторваться не удастся, и поэтому выехал на ровную пригородную дорогу.

Яреев тут же опустил стекло и высунулся из окна. Гарколин принял влево и пошел по встречной полосе, обеспечивая напарнику более удобный угол для стрельбы. Яреев бабахнул вверх и, быстро опустив пистолет, дал четыре выстрела по заднему левому колесу, после чего влез обратно в машину и сказал довольным голосом:

– Попал. Вон, колесо спускает. Бедный Семеныч! Так ему этого не хотелось!

– Нечего было порядочным инспекторам дули в рожи совать! – согласился Генка

Преследуемый водитель снизил скорость машины и остановился на обочине. Инспекторы выскочили из патрульки и подбежали к вражескому автомобилю каждый со своей стороны. Из пассажирской двери вывалилась молодая, пьяная «в стельку» женщина. Она оттолкнула Яреву, упала на колени в траву и принялась очищать желудок, засоренный неприятными ощущениями, которые возникли из-за быстрой езды по кочкам.

Генка с другой стороны кузова размахивал пустым, без обоймы, пистолетом и грозно требовал выхода водителя из-за руля. Тот, наконец, вылез из машины, дисциплинированно повернулся к Гарколину спиной и положил руки на капот. Генка занес было ногу назад для того, чтобы отвесить негодю хороший пинок, но вдруг передумал, зажал нос рукой и крикнул: – Серега! Он обдристался!

Яреев достал из кармана наручники, подошел к задержанному дристу сзади и, стараясь не дышать, сковал ему руки. Потом вытащил из пистолета обойму, разрядил его, отдал Генке магазин и вложил ему в ладонь три оставшихся патрона.

– Положи в карман, – сказал он. – Сколько теперь будем пустыми ходить – черт его знает. А так у тебя три, у меня – четыре в запасе. Отстреляемся, если что... Напишу в рапорте, что произвел восемь выстрелов.

Сергей подошел к женщине, уже стоявшей на обочине в вольной качающейся позе, и выдал ей пучок травы. Дама кое-как почистила пальто. Гарколин остановил проезжавшее мимо такси и усадил ее в машину.

Напоследок она гневно крикнула:
– Животные!
И уехала.

Инспекторы переглянулись и дружно рассмеялись. Яреев пошел в патрульку докладывать о происшествии и писать необходимые бумаги, а Генка с приличного расстояния принялся общаться с водителем.

Оказалось, что в задержанной машине находились муж и жена. Они оба жили и работали в Соединенных Штатах, а сюда приехали в отпуск. Там бы им никогда не пришлось в голову напиться алкоголя, сесть за руль автомобиля, да еще и убегать от полиции. Ну, а в России – все можно. Почему бы не повеселиться?! Правда, когда новоявленный американец услышал выстрелы и осознал, что шлепки в заднее крыло означают попадание пуль, тут же впал в панику и не смог контролировать течение некоторых физиологических процессов в организме. А если короче – просто обгадился от страха.

Теперь этого пахучего ландыша ждало посещение медицинской экспертизы и сиделки в козлятнике, где контингент постоянно присутствующих там лиц вряд ли обрадуется такому интересному товарищу.

Яреев попросил дежурку по рации о помощи. Он сказал, что им нужен экипаж для оформления пьяного водителя. Приехавшие по указанию дежурной части инспекторы поняли водителя и, поругавшись с Генкой, хотели отмазаться от выполнения такой почетной миссии. Но, не тут-то было! Раз дежурка приказала – придется выполнять. Матеря доблестных стрелков на чем свет стоит, они опустили все четыре стекла в патрульной шестерке, усадили

водителя (у них было даже желание запихнуть его в багажник, но нарушитель был крупным, да и воняло бы оттуда все равно не меньше) и, высунув головы в окна, унеслись на экспертизу.

Генка, смеясь, сказал в эфир:

– После посещения доктора везите его в райотдел. Мы уже будем там.

Прибыла полковая тележка с лебедкой и семерка отбыла на штрафстоянку. Во время движения к райотделу Генка поинтересовался:

– Как ты думаешь, Семеныч сильно будет орать?

– Да ничего страшного не случится, – ответил Яреев. – Он, скорее всего, уже дрыхнет у себя в кабинете на диване. А завтра мы с тобой выходные. Поэтому сейчас закончим возиться с этим дрислом дрисливым, и можно будет слегка поужинать.

– С аппетитом?

– А как же? Только нужно сразу заехать за этим аппетитом в магазин.

Они довольно рассмеялись.

6

В первый же день после выходных Гарколин с Яреевым получили на полную катушку. Это было связано с тем, что последняя стрельба расценивалась руководством как акт непрофессионализма. Типа – стрелять надо для задержания угонщиков и других преступников, а удирающего бухаря можно и так в какой-нибудь столб загнать.

Поэтому в воспитательном процессе приняло участие все руководство полка и роты. Кто только не орал на инспекторов! Даже Гриша Цапов постарался. Но экипаж, закаленный в беседах с более серьезными руководителями, послал Гришку хором в недалекое и всем известное место, и убыл на маршрут с пустыми пистолетными магазинами.

В полоскании мозгов не участвовал только командир взвода, которому было не до этого. Старого заслуженного ветерана новое руководство вытаскивало на пенсию. Процесс был медленным, но верным. Взводный еще держался, но понимал, что его все равно сожрут, ибо силы были неравны. А Гришка тем временем все сильнее и сильнее протягивал к книге нарядов свои работающие руки, за что и получал периодически по ним линейкой. Пока...

Через неделю сняли усиление и полк начал работать в три смены, что несказанно обрадовало инспекторский состав. По этому поводу решено было вечером выпить водки. В курилку перед разводом забежал Изя Алмазов, сидевший в дежурке за мешок с рыбой, и сообщил, что Хмару повысили в должности и теперь он – начальник штаба полка. Но по данным Алмазова, Николай Анатольевич находился в этот день в самом свирепом душевном состоянии, так как в отношении его личного автомобиля вчера была совершена вопиющая подлость. На капоте его шестерки, которую он ставил перед штабом, кто-то гвоздем накарябал всем известное слово, состоящее из трех букв. Надпись шла через весь капот, и теперь придется его красить полностью, так как буквы видны издали и даже командир полка не смог сегодня сдержать улыбки, а Семенович вообще закрылся в своем кабинете и ржал там от души целый час.

Далее Изя поведал, что с утра Буханкин решил закрепить несколько мотоциклов за молодыми инспекторами, так как никто из старых уже давно не изъявлял особого желания «выставлять свои рожи навстречу дождю и ветру». Вызвались пятеро кандидатов. Но Семеныч, как

человек опытный, сначала решил проверить, соответствуют ли навыки желаниям. Он выгнал из бокса тяжелый «Урал» без коляски и предложил на нем проехаться молодому пополнению.

Один из свежеспеченных инспекторов, желая поразить начальника своим умением, так дал «газу», что врезался в ворота КПП и вылетел из седла в кусты. Женя Тягомotin, торчавший там дневальным, вытащил горе-мотоциклиста из зарослей, надавал ему подзатыльников и пинков по копчику, поскольку кнопочный механизм сломался и отныне придется открывать ворота вручную. Теперь командиры разбираются с актом рукоприкладства.

Выдав всю эту информацию, Алмазов унесся в дежурку узнавать все про всех и заниматься прочей милицейской работой.

При получении оружия Гарколин с Яреевым увидели на своих колодках по шестнадцать свеженьких, блиставших новизной патронов. Это значило, что служебные

проверки прошли нормально, и все действия инспекторов признаны законными. Настроение у них стало радужным, и потому на разводе они весело улыбались. Но Хмаре было совсем не до смеха. В акте вандализма по отношению к своей машине он подозревал всех, и потому, подняв Яреева, с пристрастием поинтересовался:

- Ты чему улыбаешься?
- Патроны наконец выдали, – ответил тот.
- А-а-а, присаживайся...

Дальше Николай Анатольевич произнес речь, из которой следовало, что царапать машины – большая подлость, и заявил, что принципиальности своей все равно не изменит никогда, а запугать его не получится. И еще было алаверды, которое сводилось к тому, что теперь он еще жестче будет относиться к нарушениям дисциплины и законности.

И чтобы не быть голословным, он прополоскал мозги Кипяткову за то, что тот перед разводом курил на мойке, а не в предусмотренном для этого месте.

– Так на мойке с пожарной безопасностью все в порядке, – попытался оправдаться Костя. – Там же вода! Она мокрая...

– А про пепел ты забыл? – прищурился Хмара. – Он может забить канализацию: – капитан улыбнулся самым зверским образом и закончил, – вот за это и получишь выговор! Чтоб знал, где можно курить, а где нет.

После столь жесткого развода инспекторы вышли на приказ довольными. Существовала примета – чем сильнее тебе прополоскают мозги, тем удачней сложится смена. Яреев, стоя в строю, пихнул Кипяткова локтем в бок и шепнул:

– Все бухие сегодня – твои. Радуйся!

В ответ Костя только выматерился.

* * *

В среду состоялся день занятий. Во время усиления они не проводились и личный состав по ним соскучился. Командир полка торжественно зачитал приказ о присвоении Хмаре звания майора.

Гарколин шепнул Ярееву:

– Надо же, поперло ему! И должность и звание.

– А как ты хотел? – ответил Яреев. – Командиру полка работать некогда. Его на всех совещаниях дрюкают с утра до вечера за результаты работы целого подразделения. Буханкин занимается – сам знаешь чем. А кто работает? Хмара и дядя Саша. Кстати, последнему хоть бы прапора присвоили. А то черт знает сколько лет старшиной ходит. Так бы хоть немного зарплата побольше стала.

Николай Анатольевич на радостях прочел лекцию о том, что водителям хамить не следует, а надо водителей любить, беречь и относиться к ним, как к своим близким родственникам. После этого поехали на стрельбы.

Замполит полка выгнал Гарколина и Яреева с огневого рубежа и заставил их выдавать патроны.

Сделал он это со словами:

– Замечу вас с обнаженным оружием, переведу в отдел пропаганды в Управление ГАИ края. Пистолетов в жизни не увидите, потому что оружие пропагандиста – длинный язык. Там как раз люди требуются.

Как всегда – без приключений не обошлось. Один из молодых сотрудников вставил в уши по патрону (чтоб не мешал грохот выстрелов). Замполит, вовремя заметив это, один патрон вытащил, а второй вывалился сам от тычка ладонью, который произвел подполковник по ранее освобожденному уху нежного милиционера.

– Еще раз увижу, тукну молотком по капсюлю, – пообещал замполит.

Но молодой сотрудник посчитал себя хитрее опытного руководителя стрельб и потому натолкал себе в уши жеваной бумаги. Отстрелявшись, он попытался эту бумагу вытащить, но не смог. Это его не сильно огорчило, ведь рядом есть друзья. И коллектив ему тут же принялся помогать!

С двух сторон доброжелатели стали пихать в уши этому остолопу пистолетные протирки, в простонародье именуемые шомполами. Вокруг собралась толпа советчиков, и бедный стажер ощутил себя центром внимания.

Яреев кричал:

– Давите сильнее, там все равно мозгов нет!

А Кипятков предлагал:

– Давайте перевернем его вверх ногами и постучим головой об пол!

Неизвестно, чем бы закончилась эта вакханалия добра, если б не вмешался замполит. Подполковник быстро отобрал у ретивых товарищей протирки и заставил Ваню Дрозда вернуть в пожарный щит лом, который тот как раз притащил к месту происшествия со словами: «А вот у меня шомпол получше будет!» После чего установил, что непосредственным начальником нежного милиционера является Гриша Цапов. И вслед за этим приказал:

– Цапов! Вези этого отморозка в поликлинику к лору. Как только врач освободит ему уши, покажешь больного мне!

Гриша усадил пострадавшего в патрульку и унесся в поликлинику. Там врачи промыли милиционеру уши. Действие это производилось с использованием огромных шприцев и большого количества воды, и если бы больной пациент не держал руками глаза, остался бы слепым от того напора, с каким производилось промывание.

Когда Цапов показал сотрудника замполиту, тот поразился вылезшим из орбит глазам сержанта.

Подполковник спросил с удивлением:

– Родной, тебе что там – клизму делали?

– Нет, уши промывали, – ответил нежный милиционер.

– А-а-а, – понимающе покачал головой замполит и добавил, – смотри, в следующий раз перед тем, как прийти на стрельбище, купи себе немецкую каску. От промывания ушей она тебя, может, не спасет, но от пожарного лома защитит точно. А то вдруг я не успею прийти к тебе на помощь...

На следующий день Хмара пришел на развод в капитанских звездах. Видимо, не обмыл еще новое звание. Он развернул какую-то газету и прочитал заметку. Суть ее сводилась к тому, что в некоей богом забытой Куркуиловке пьяный нарушитель сбил своим автомобилем инспектора ДПС, который, пешком возвращаясь со службы, переходил проезжую часть в неустановленном месте, находясь в не менее свинском алкогольном состоянии.

Хмара значительно оглядел зал и пояснил:

– Знаете, о чем эта статья? О том, что вы ни черта не делаете. Вот если бы патруль, работавший ночью в этом районе, поймал пьяницу и оформил его, как полагается, а машину загнал бы на штрафстоянку, то ничего бы не случилось с инспектором, ползи он хоть на карачках! А патруль, по всей видимости, спал в кустах. Вот вам и пожалуйста! Теперь неизвестно, кого суд признает виновным. А зачем до этого доводить? Переловили всех пьяных – и товарищи ваши спокойно доберутся до дома.

Он ненадолго задумался и добавил:

– Хотя, интересно, этот инспектор всю дорогу пешком добирался к дому или, может, за рулем? Тогда поделом ему! Я вот за рулем не пью. И не надо там хихикать! Я знаю, о чем вы думаете. К вашему сведению сообщаю, что после обмывания звания майора меня отвезет домой трезвый товарищ! И вам того же желаю. А в заключении скажу: не дай бог сегодня у каждого экипажа не будет оформленного пьяного! Встать, на приказ!

Вечером, когда пили в боксах, к инспекторам присоединился Изя Алмазов, амнистированный и потому довольный. Он рассказал:

– Собирается сводный отряд в Чечню. От нашего полка требуются двадцать четыре человека. Стоять на блокпостах. Командировка сроком в шесть месяцев. Завтра будут искать желающих.

Записаться решили все. Даже тщедушный Коля Орлов, которого нарушители дразнили «детской милицией», отчего тот всегда хватался за пистолет и устрашающе размахивал им перед носом обидчиков, ничего, кроме смеха, не получая взамен.

Все дело заключалось в его комплекции. Рост – метр пятьдесят шесть сантиметров и вес, максимум, пятьдесят килограммов. Таких людей жизнь в лице более толстых и высоких сверст-

ников лупит постоянно, начиная с рождения. Поэтому они вынуждены сражаться за место под солнцем. Вечные бои закаляют их не на шутку, и маленькие ростом люди становятся конечными до предела личностями. Это относится в равной степени и к мужчинам, и к женщинам. У Яреева, например, жена была ростом совсем немного меньше Коли, но по всем параметрам соответствовала вышесказанному утверждению и потому Яреев считался подкаблучником.

Коля же все время лез на рожон. Постоянно ругался с водителями, хватался за кобуру, с подозрением относился к своим сослуживцам, типа – а не смеются ли за его спиной? Естественно, смеялись. И прозвище ему дали – «Орелик». Потому что на нормального орла он тянул только гордостью, но никак не размером. Гарколин как-то спросил Орлова, на каком основании его взяли в ДПС, если на медкомиссии есть ростовой ценз, а Коля явно ему не соответствовал. Орелик ответил, что каждый сантиметр денег стоит, и больше ничего не стал объяснять.

Был он женат и ревновал свою жену до одури. Как-то раз во время очередной пьянки в боксах Орелик, согрешившись душой, рассказал, что жена у него учится в каком-то институте на вечернем отделении, возвращается домой поздно и сильно устает. Поэтому он помогает ей по хозяйству и готовит кушать.

Гарколин тут же начал задавать шуточные вопросы:

- А ты уверен, что она именно учится?
- А куда ей еще ездить? – спросил Коля, наливая глаза кровью.
- Может, она любовника завела? – поинтересовался Генка.
- Ты что?! Она только меня любит! – и кровь в глазах Орелика превратилась в чернила.
- Ну-ну, устает, говоришь? – задумчиво спросил Гарколин.

Колю стало малость подергивать.

- Ха-ха-ха! – вдруг рассмеялся Генка.
- Что ты ржешь? – спросил присутствовавший при разговоре Яреев.
- Ты когда-нибудь видел орла с рогами? – поинтересовался Генка. – Редкая птица. Только представь себе...

Закончить мысль Гарколин не успел, потому что Орлов полез драться. Товарищи быстро разняли драчунов, утихомирили Орелика, свели все к шутке и выпили мировую. Но история этим инцидентом не закончилась.

Следующей ночью Коля в гражданской одежде появился в оружейке во время заступления на службу третьей смены. Орелик, шатаясь от переизбытка алкоголя в организме, нагло сунул карточку-заместитель в окошко выдачи оружия, думая, что ему тут же выставят пистолет. Орлову повезло в том, что в эти сутки дежурным был не дуболом Карелов, а спокойный и рассудительный Валера Чернодольский.

Заглянув в наряд, старший лейтенант Чернодольский обнаружил фамилию Коли в графе «выходные». Всунув голову в окошко (его уши, в отличие от лопухов Карелова, свободно помещались в проеме), Валера задал Орелику вопрос:

- Куда это ты собрался? В теплые края, небось?
- В зас-саду, – ответил Коля, шатаясь.

При детальном разбирательстве выяснилось, что Орлов, сердце которого было сильно тронуту нарисованными Гарколиным рогами, устроил дома жене допрос. Естественно, они разругались в хлам и в результате тесть с тещей выгнали Колю из дома, в котором они вместе жили. Орелик с горя где-то наакался, и его посетила мысль о мщении. Поэтому он приперся в полк за пистолетом, мечтая пристрелить тестя, который в его больном воображении почему-то ассоциировался с главным обидчиком.

– Валера, дай мне ствол! – вопил Коля. – Я грохну эту старую сволочь, чтоб знал в будущем, как со мной дело иметь!

Валера сказал:

– Сейчас, – и ушел куда-то.

Ответ дежурного поразил даже Орлова. Но через минуту все разрешилось. В окошке что-то брякнуло, и Коля увидел тупой кухонный нож, которым обычно в дежурке резали хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.